10-го июня 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

13

13

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

10-го червеня 1928 р.
PRAHA

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Гнат Макуха:* *** Стихи.
2. *Борис Кундрюцков*: Зеленый камень.
3. *Любовь Самсонова*: *** Стихи.
4. *С. Савицький*: Гей, Донскії Козаки! (Стих.).
5. *Павел Поляков*: Ватажный. (Стих.).
6. *Юрий Гончаров*: *** Стихи.
7. *Константин Поляков:* Путь казачества. (Стих.).
8. *Вл. Куртин*: Тифозный барак.
9. *П. Крюков*: Святыня. (Стих.).
10. *Владимир Клевцов:* Далекий Край. (Стихи.).
11. Вопросы программные.
12. *Иван Колесов:* Литературная Казачья Семья.
13. *Ис. Быкадоров:* Качество или количество.
14. Д-р *С. Федоров*: Переяславский договор 1654 г. и Донские статьи 1671 года.
15. *Мих Минаев*: Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.
16. *М. Мухин:* Настоящее украинской литературы.
17. Печать о Вольном Казачестве.
18. Думы и мысли казачьи.
19. Казачья старина.
20. Казачья эмиграция.
21. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Чехия — Подебрады — Д. С. Исполнено. Сообщенным адресом воспользуемся.

Чехия. — — — Донскому казаку Θидосееву. — Вы пишете: „Раз'ясните мне на страницах Вашего уважаемого журнала неясную для меня темноту. Меня очень интересует казачья литература и мне дюже понравился в Вашем журнале один рассказ, „Вольный воздух“, который написал Александр Туроверов, а нынче я прочитал в №. 30—31 „Пути Казачества“ письмо, под которым расписался А. Туроверов, где он пишет — будто деятельность казаков, группирующихся вокруг журнала „Вольное Казачество“ вредна и ненужна для Казачества.

А посему я и прошу, будьте настолько любезны, сообщите — чи они одной фамилии, чи какая сродствия, так как оба живут в Пшибраме.“ — Сочувствуя той поспешности, с которой Вы просите в Вашем письме-экспрессе раз'яснения интересующих Вас вопросов — сообщаем: А. Туроверов, подписавшийся под письмом в №№№. 30—31 „Пути Казачества“ есть именно автор рассказа „Вольный воздух“. Что касается его „писания“ о вреде деятельности казаков Вольного Казачества, то можем Вам сообщить следующее: „Деятельность казаков, группирующихся вокруг „Вольного Казачества“ вредна тому, кто хочет наложить лапы на Казачество; тем казакам, которые сдав в архив свою честь, стараются предать Казачество Москве, пытаясь при этом и архив с честью ликвидировать — и еще, деятельность Вольного Казачества вредна великодержавникам - „красноармейцам“, а Александр Туроверов — насколько известно — ни то, ни се, ни другое, ни третье (почему ему вредна?) и в „скакунах“ обретается в настоящее время или по недоразумению или за грехи прародителей.

Югославия. — Белград. — П. К. — Сообщите свой адрес.

Югославия. — Белая Церковь — К. Я. — Вы пишете: „О выходе Вашего и нашего журнала „Вольное Казачество“ скажу следующее: первый номер его, как первый мощный удар Новочеркасского Соборного колокола разбудил казаков от спячки и казаки, проснувшись, перекрестились и сказали — наконец-то зовут на службу Отцу Родному — Седому Кормильцу Дону, наконец-то зовут освобождать свое родное Отечество. Да оно и понятно — кого же должно казачество освобождать?.. И от кого?!. Ведь Россия нас выгнала; она эту большевицкую власть приняла, она и не нуждается в освобождении от нее. Выходит, что освобождать Россию от России или большевиков от большевиков — это первое, а второе: до изгнания нас, мы никогда с русским народом в дружбе и не жили, мы всегда были в России пасынки, так как же теперь то нас хотят вот наши даже вожди и им подобные „Пути Казачества“ подружить, породнить?.. И это после вечного скандала и последней страшной войны с ним (русским народом) и после разорения Казачьих родных Краев?

По получении первого номера „Вольное Казачество“ я и другие подумали, что это переменил свою позицию „Путь Казачества“ и было как-то радостно, что это делается тем же органом. После этого получается и „Путь Казачества“, который льет все помои ушатами на В. К.

Казаки не могут понять, что же это значит — или там нет ни одного природного казака, или они казаками сделались после революции. Хочется им сказать: раз вы защищаете интересы Москвы, так не выставляйте казачью марку, снимите с оболочки Вашего журнала портрет трех казаков и оставьте там Кремль Московский и к нему добавьте Мовзолей с Лениновыми потрохами. Казаки теперь освобождать Россию не пойдут — она им надоела; довольно с ней няньчиться; пусть это делает она сама, если это ей нужно“. — Рады что рабский дух не свил еще прочного гнезда в сердцах казаков! Рады что есть казаки, помнящие присягу Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству — служить только ему! Пришла пора стать казакам под Вольные Казачьи Знамена и не дать — ни Москве, ни кому другому уничтожить Казачество, ни казакам московской старшинской партии, все более и более превращающимся в „жоржиков“, продать Москве за чины да зипуны— и Соборный колокол, и Волю, и Казачество!

Австрия. — Вена. — М. — Посланное Вами получено. Благодарим. Надеемся и в дальнейшем знакомиться с Вашими трудами ...

(См. 3-ю страницу обложки).

ВОЛЬНОЕ КОЗАЦТВО / ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией **И. А. Билого** и **М. Ф. Фролова.**

Год издания второй.

Редакция и контора: **Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.**

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 13. *Прага, воскресенье 10-го июня 1928 г.* *№ 13.*

Гнат Макуха.
(*Югославия*).

* * *

Ой, родився я, сірома,
Без щастя, без долі, —
Породила мене мати
У житі на полі.
Породила та й умерла,
А я в чужих виріс.
Скільки лиха, скільки горя
Я в ті роки виніс —
Про те Він Єдиний знає. .
Та що і казати —
Довелось за тії літа
Усього дізнати...
Так і виріс між чужими
Чужая дитина.
Мріяв виросту, так буду
Жити, як людина.
. . . . . .
Мати моя, мати!
Породила козаком ти
В степу та на волі,
Та не дала міні щастя,
Та не дала долі.
А без щастя та без долі
І воля — не воля.
Через те я і в чужині —
Така мабуть доля.
Тільки й радости моєї,
Що в широком полі
Ореш землю — хай чужую, —
Але все ж... на волі.
Через те я, сіромаха,
Тут, аж у чужині,
В драних штанях та сорочці,
В латаній свитині
Теж за плугом серед степу
Вільно себе чую —
Наче в рідному степу я
Знову козакую.
Так останься ж степ широкий
І до смерти мати.
Хоч й чужий ти, але вмієш
Мрію втіхи дати.
. . . . . .
Як згадаю степ свій рідний,
Кубань — і заплачу,
Вийду в поле — подивлюся —
Наче їх побачу.

1928.

Борис Кундрюцков.
(*Югославия*).

Зеленый камень.

Замаячили на горизонте четыре всадника и стали быстро расти, летят вскачь на низеньких, степных лошаденках...

— Ногаи.

Двойным мехом обтянуты высокие шапки...

Вершок и опушка...

Усы жидкие и длинные; от ветра к подбородку пристали, у ушей развеваются. Скачут, упершись в стремена, раскидывая загнутые носки войлочных увязок... Луки с насечками, колчаны охрой крашены, у кого у бедра, у кого к седлу приторочены... Тетивы спущены, из конского хвоста плетеные, крепкие тетивы... Скачут, обмениваясь гортанными криками... Как стайка коршунов...

Бегут ногаи... Торопятся... Траву давят, серебряную траву... ломят пыльными копытами татарник, срывают пушистую лиловую головку...

Бегут ногаи... Вперед и вперед...

Уйти бы!..

Руки устали сечь мокрые крупы и бока узловатыми ногайками и кони уже сдают, замедляя летучий бег...

Уйти бы...

. . . . . .

— Не уйдешь. — Рвется злобой из уст.

— Не уйдешь!

От быстрого бега грудь вздымается.

Кровь прилила к голове, пальцы судорожно сжимают поводья. На пальцах следы лиловые... Где там... Разве чувствует их Митрофан... Сам-пятый летит за ногаями.

Уж те и коней побросали краденых, уж те-то кони краденые у казаков в поводу идут... Да-а. Где-ж там украсть!.. Где там.

Митрофан впереди всех.

Выскочил, конь добрый вынес. Конь у Митрофана во всей станице поискать... Добрый конь, Самарушкой звать...

— Ну-ка, Самарушка...

А Самарушка так и стелется тек и стелется, даст-даст ногами, да вперед, да вперед... подскакивай только Митрофан... Распустил Митрофан поводья, дал волю — пошел себе...

Степь то здоровая, — во все стороны полотно расстелилося, здорое этакое полотно, а по полотну четыре ногая, дай Бог здоровья, секут ногайками и направо и налево, то в кучку собьются, то рассыпятся, как воробьи, а за ногаями-воришками казаки вольные, с Митрофаном — пять при восьми конях...

Шашки выхвачены, и Митрофанова шашка, самая лучшая — клинок-дамаск или „куды хошь“ — гнется направо и налево, сталь не сталь, а черт ее знает, что такое... Хороша...

Весь клинок ее расписан какими то завитушками, уголочками, цветками и на костяной ручке звездочка серебряная, а в звездочке кемешек зеленый — вот камень, так камень, — всем камням камень...

— От пьянства, распутства и от бабьей кротости спасает...

Так всем Митрофан и говорит, а сам щурится, да качается, за каждую бабу хватается и сивухой — на сто верст...

Послушают его, послушают и прощаются, нос заткнувши, — больно верить не хочется.

— И где ты его достал, такой камень?..

— Я то?.. По пьяному делу, на Кавказе за коня променял... Ходил туда... И-и, где меня лешаи не носили... Кунак им владел раньше... Ну, пьяница же был, я вам доложу... Его и камень не спас... Не всякому он то силу дает!..

— Да... не всякому.

На нос Митрофанов смотрят.

— Не всякому...

И конь лихой был — Самарушка, хороший конь, в пору боярину или, там скажем, князю какому, только кличка ему не особенно к морде пришлась... Са-ма-рушка. А какой он Самарушка, ежели каждого за череп норовит зубами хватить...

Конь и шашка — прямо диву даешься... А сам то Митрофан, дрянь человек, одним и хорош, что казак. Только и казаки, положим, разные бывают... Иному пальца в рот не клади... Сам рад не будешь... Народ бунтарский, неуживчивый, скоморошный... Хи-хи да ха-ха...

И клички то гортанные пошли на них, непонятные и для слуха оскорбительные:

„Пу-гу“ да „Чи-га“.

. . . . . .

— Не уйдешь.

От быстрого бега грудь вздымается.

Ближе и ближе согнутые, боязливые спины. Головы втянули, назад уж и не смотрят...

— Ай страшно?.. А ты не кради... Страшно?!.

— Я те отучу!.. — орет Митрофан, а самого уже смех разбирает. — Эк, бегут, сатаны!...

Ногаи уже не кучкой, шибанулись в разные стороны, каждый полоборотом идет... Разметнулись по одиночке...

Выбрал себе самого стройного да поджарого и за ним пошел...

Ковыли о копыта песни поют...

— Не уйдешь...

Догоняет, ближе и ближе... Уж ногай и пятками заработал, туда-сюда на седле ворошится, а лошадь сдает заметно...

Доскакал до него Митрофан, одной рукой за повод схватил, шапку сбил, шашка взвизгнула...

Повис клинок в воздухе, блеснул зеленый камешек...

Хороший клинок „куды-хошь“.

. . . . . .

Приехали казаки домой, коней привели... Злые приехали... Ушли ногаи...

— Митрофан одного было чуть не зарубил...

— Ну-у?..

— Камень, говорит, не помог... Дюже кротко она на него посмотрела... Баба была!..

— Известное дело... Сперепугу и не так взмолишься... — бросила грозно Власьевна и ткнула в угол Митрофанову шашку... — Ерой нашелся!

Любовь Самсонова.
(*Прага*).

* * *

Счастье жизни в искрах малых,
В легких быстрых огоньках.
Счастье жизни в женском смехе,
В синих ласковых глазах...
Счастье жизни в детской ласке,
В майском нежном ветерке.
Счастье искрой быстролетной
Пламенеет в угольке.
Искры алые сверкают
И в рубинах и в вине,
В заходящем солнце алом,
В нежно розовой заре...

1928.

С. Савицький.
(*Бразилія*).

ГЕЙ, ДОНСЬКІЇ КОЗАКИ!

Гей, донськії козаки!
А де ваша воля?
Чи не вкрав її москаль
У Дикому Полі?!
Гей, донськії козаки!
А де ваши хати?
Чи не там, де Тихій Дін,
Пішні, мов палати?!
Гей, донськії козаки!
А де ваша слава?
Чи не та-ж таки Москва
До себе забрала?!
Гей, донськії козаки,
На Тихому — рабство.
Гей-же в бій на Тихий Дін,
Хай живе козацтво!

Павел Поляков.
(Белград).

ВАТАЖНЫЙ.

Жду... И знаю... Взвоет вьюга
По степям мятель гоня —
В половке найду я друга
Быстрокрылого коня.

И на встречу ветра злобе
Без дороги и без вех —
Не увязнет конь в сугробе,
Не замедлит резвый бег.

У Степанова кургана
Подожду, ребятки, вас.
Эй ты, ночка, — сердце пьяно...
Эй, боярин, — пробил час!

Слышь, боярин, в теплой келье
Не молися, Бог — уснул...
. . . . . .
И не видный за метелью
Огонек под скирд блеснул.

Погодите... Всполошились...
Са-а-рынь на кичку! Бей!
Добре, хлопцы, поживились...
Напоите лошадей...

Что скулят боярски дочки,
Аль ремень сдавил невмочь?..
Гей, мятель, задуй следочки,
Ты покрой нас, темна ночь!

Эту ночку прогуляю —
Буду весел, буду пьян...
Завтра — снова оседлаю...
Я — ватажный атаман.

Завтра — новая отрада,
Завтра — снова весел я...
Вдарим в турок из наряда
И из мелкого ружья...

Эх, ты, жизнь донца лихова,
В степи счастье я найду —
Из под самого Азова
Я ясырок привезу.

Ночь одну — потом — ненадо
Перережу, как туму...
Эх, не жизнь — одна отрада —
Любо сердцу моему.

Юрий Гончаров.
(Брно).

* * *

У прозрачного затона, под напев куги зеленой,
Под шептанье осоки,
Индиянке смуглоликой, быстроногой, сройной, дикой
Я спою свои стихи.
Из туманных волнований, из вечерних очертаний,
Тени нежные сгущая, мягким светом освещая,
Передам пером волшебным я причудливый Портрет.
Двух бровей изгиб волнистый, тонкий, мягкий, бархатистый
Быстрым взмахом черной туши я окрашу
В черный цвет.
Сизых перьев рядом стройным
Лоб высокий окружу
И во взгяд очей бездонных, легкой тенью окайменных
Мысли дикой, мысли гордой
Отражение вложу.

Константин Поляков.
(Брно).

ПУТЬ КАЗАЧЕСТВА.

Берегись! Разгулялась мятелица —
Порошит, сжимает глаза...
А мне весело, мне верится...
Я с победой дружён — я казак!
Знамя — правда, мечь мой — слово,
Путь казачий мой повсюду —
Не забыл, ведь, я былого
И заветов старых — не забуду.
Сторонись! Дорогу к Воле!
Чрез моря и через горы.
Стиснув зубы, сдвинув брови
Возвращусь я на просторы.
Казаки, с холодным сердцем,
Вы гордитесь чем? В приказах
Ваши предки чуть не с детства
Гнули спины у наказов?!
Путь наш тернием одетый,
Он долиной смерти стелется.
Как-то ваш?! В чужой карете
Путь казачий хлопать дверцами?!!
Берегись! Опять мятелица
Занесла к Москве дороги...
А мне весело... Мне верится
Занесет и ваши дроги!

Вл. Куртин.
(*Югославия.*)

Тифозный барак.

Итак, я в лазарете. То, чего так боялся — случилось. У меня тиф, и я лежу в тифозном бараке.

Сколько дней я лежу уже здесь?

— Не знаю.

Да и никто не знает. Помню, что привезли меня сюда сербские солдаты; помню, что они немилосердно гнали лошадей, как-бы боясь, чтобы я не умер по дороге — фургон подпрыгивал, и беспомощно откинутая голова моя больно билась о железный кузов.

Я, кажется, плакал...

Помню, что в первый день, с койки, в противоположное от меня окно, я видел цепь далеких неведомых гор, покрытых снегом, да одинокий домик на откосе пологой горы, начинавшейся как-бы непосредственно за бараком.

Здесь гораздо холоднее, чем там, откуда меня привезли.

Подо мной скрипучие, ничем не прикрытые доски грубо сколоченной койки.

Вверху переплелись стропилы, с которых редкими каплями падает вода. Был-ли я первые дни один, или здесь лежали еще такие-же, как я, брошенные, забытые — не знаю. Знаю, что никого, кто-бы ухаживал за мной или за другими (если они были) я не видел. Лазарет, в котором я лежу сейчас, это — большой черный барак, в котором гулко-жутко раздаются мои стоны. Сперва я не понимал, что эти стоны — мои стоны, что эти жалобные причитания — мои, и с досадой спрашивал:

— Кто это там?..

А мне неизменно отвечало:

— Кто это там?

Я раздражался, сердился и, бормоча что-то весьма нелестное по адресу того, что мне так неучтиво отвечало, натягивал на голову воротник шинели, поджимал колени к самому подбородку и, скрючившись так, лежал некоторое время спокойно.

Так... так... так... редкими каплями падает вода, ударяясь о пол где-то неподалеку от моей койки. Равномерное, однообразное таканье воды привлекает мое внимание, — мне кажется, что я обязан считать капли и я считаю:

Раз... два... три...

Но после десяти, пятнадцати меня вдруг подхватывает огромная волна, высоко взметает на своем гребне, с силою бросает вниз, опять поднимает и опять бросает... Мне делается дурно: начинаются приступы морской болезни. Быстро высовываю голову из-под шинели и, опершись о пол руками, корчусь от приступов рвоты.

Все мои внутренности, сжавшись в комок с силой выталкиваются наружу. Рот заполняется чем-то горьким, зеленовато-желтого цвета.

По бараку начинают плавать зеленые чудовища с глазами, как раскаленные угли и самых невероятных, отвратительных форм.

Они то усаживаются на стропилах барака и мириадами искрящихся, вращающихся глаз смотрят на меня, то вдруг спрыгивают мне на грудь и липкими длинными руками давят бедную мою голову.

Я борюсь с ними — отрываю им руки, выдираю глаза, но руки вырастают вновь еще более длинные, еще более липкие; глаза разгораются еще ярче и кружатся быстрей и быстрей и еще больней и больней сжимают они мою голову.

В ужасе я дико кричу и сейчас-же мне вторит морозящий хохот торжествующих чудовищ.

А вода продолжает падать, капля по капле:

Так... так... так...

За стеной бушует непогода: жалобно стонет ветер, как будто и ему холодно, тоскливо среди голых гор Далмации и, врываясь в барак, он торопливо забирается под шинель, холодом струится по телу, стекает в ботинки-танки и, скапливаясь там, больно впивается в пальцы.

С порывами ветра в барак доносится хлопанье дождя, похожее на плач, или чей-то плач, похожий на хлопанье дождя.

Окно постепенно темнеет, сливается со стеною и настает тьма.

О, эта тьма! Этот мрак, что сменяет короткий, серый день и холодом могилы заполняет барак... Какой ужас таится в нем?..

Безначальное, бесконечное, непостижимое таится в нем...

Тьма. Кромешная тьма. Тьма могилы. И я, как могильный червь, копошусь в этой тьме.

Да и разве я не червяк?.. Разве я не из тех, что кишели в чревах пароходных трюмов? Разве не глодал я, вместе с такими-же, как и я, всякую гадость, какую бросали нам в трюмы веселые французы?.. Разве я с сотнями таких же как я, не набрасывался на улицах Константинополя на отбросы, от которых отворачивались даже константинопольские собаки?..

Да — я червяк. Самый настоящий, могильный червь. Но почему-же я так больно чувствую ужас мрака?.. Почему он так мучит, так давит меня?.. Отчего эта долгая, как сама бесконечность ночь так пугает меня и с такой тоской и нетерпеньем я жду рассвета... даже этого серого рассвета?..

Я лежу на спине и широко открытыми глазами смотрю во тьму. А она плотной, физически ощутимой массой сгрудилась в бараке и застыла.

Неподвижная. Вечная. И скрыла все. Так скрыла, что кажется никогда и не было ничего, кроме нее.

Была и есть одна изначальная тьма...

Сколько дней я лежу здесь? Не знаю. Да и кто это знает? Кого это интересует? Тех солдат, что привезли меня сюда? — Они стащили меня с фургона, схватили, один за руки, другой за ноги и бросили вот на эти доски. Когда это было? Не помню...

Я ничего не помню, ничего!.. Потому что так болит у меня голова, так болит...

Натягиваю на голову шинель, поднимаю колени к подбородку. Пробую пошевелить языком и ощущаю во рту что-то большое, неповоротливое...

Но что это? Прислушиваюсь... Нет, это мне показалось... Опять шевелю языком и опять слышу жалобное цвиликанье... Ах, да, это — маленькая серенькая птичка, что так жалобно цвилит в садах над Кубанью, когда совсем завечереет, а от Кубани поплывет туман... Как я не узнал ее сразу?..

И-ить... И-ить.

Но как она попала сюда?.. Не понимаю...

И-ить... И-ить... Пи-ить...

Боже, как хочется пить!.. Всхлипывая, шепчу я. Упорно, капризно, как ребенок, повторяю я это слово: „пить“, пока мной не овладевает усталость, а одеревянелый язык не присыхает к нёбу...

Кружатся сновидения. Смутными тенями плывут обрывки воспоминаний... Хлюпают о борт „Владимира“ волны; манит белый пик Ай-Петри... Шумит по камням Ефрат... В лозняке у берега колыхается черкеска... Встает казак... Вместо рта, у него какая то страшная кровавая дыра, а язык в руках...

— Пить, братцы... Хочу пить... кричит казак ртом без языка; а маленький шустрый грек сыпет ему в рот золу...

Просыпаюсь. Голова болит нестерпимо. Спекшиеся губы пылают жаром... Поповорачиваюсь на бок, а что-то уж схватило меня и качает, качает все сильней и сильней... хочу выскочить из этого ч е г о - т о, что похоже и на детскую люльку и на шпангоут **„Brisgadie“**, а два хитрых перископа подсмеиваются:

— Не уйдешь... не уйдешь...

Что-то светлое спускается по трапу. Ближе и ближе...

— Сестрица!.. Наконец-то! Наклонилась ко мне, подносит к губам стакан с водою. Я тянусь к нему... Вот, вот коснусь края холодного стекла, а бок парохода так же тихо отдаляется... Собираю все свои силы. Приподнимаюсь, хватаюсь руками за стакан, но вынырнувший откуда-то негр прикладом выбивает стакан из моих рук...

— **Allons**!..

И я опять просыпаюсь. Плохо пригнанные доски моей койки разошлись, соскочили со спинок, и я проваливаюсь на пол. Знаю, что мне самому их не положить на место, — что буду лежать так долго, долго, пока кто-нибудь случайно не забредет в барак и не поможет подняться...

Мне жалко самого себя, и я плачу... Плачу над своей беспомощностью, над своим одиночеством... Плачу, потому что никому я не нужен, потому что никто другой не плачет надо мною, над моей даром погибшей жизнью...

А тьма сгущается все плотней и плотней, — все яростнее бьет мокрыми руками в стены барака ветер, и льются, льются холодные слезы темного неба, — единого, кто вместе со мною оплакивает мои страданья...

Да с верхних стропил барака непрестанно, однообразно падают капли — Так... так... так...

А что — т а к?

—::—

Необычайно обострившимся инстинктом чувствую, что скоро начнет светать. Пусть это будет через час или два, даже три часа... Ничего, если это не будет так скоро... Мне теперь есть что ждать.

И я жду. Неподвижно уставился в тьму и ожидаю рассвета. Я знаю, что в той невидимой сейчас стене барака, как раз против моей койки, появятся первые проблески. Эти первые смутные признаки приближающейся зари умиляют меня, смягчают боли и потому-то я с такой нежной любовью ожидаю их...

Боже, какие они робкие, слабые!.. Как черезчур осторожны и нерешительны, и как медленно, ох как медленно подходят они... Но они, именно они первые, ранят тьму. Тихо, тихо подкрадываются они к сгустившейся, насторожившейся тьме. Быстро скользят по ней пугливыми, едва заметными бликами и торопливо убегают назад. Опять пробегают. — Точно нащупывают уязвимое место. И опять скрываются Но вот вздрогнула тьма. Точно судороги прошли по ее черному телу... А предрассветные блики, нащупав окно, все смелей и смелей внедряясь в толщу раненной тьмы, серыми пятнами поплыли по бараку, пали на доски моей развалившейся койки, прилипли к нижним сторонам.

Я слышу шуршанье их крыльев. Вижу, как мало по малу они облепили окно и как трусливо побежала от них тьма в дальний угол барака...

Вот скоро день... А что несет он мне?

Так... так... так... твердят капли.

Что — „так"?

—::—

Сколько дней уж я лежу здесь?

Не знаю. Да и кто знает?.. — Может быть вот эти соседи, что появились около меня?..

Однажды ночью я услыхал какие-то новые звуки, не похожие ни на что слышанное мною до сих пор в бараке. Хотел спросить, что́ это, но раздумал.

Всю ночь, то стихая до придушенного хрипа, то разростаясь до густо-басового протяжного воя, ни на минуту не умолкая, неслись эти звуки из притаившейся тьмы; а утром я увидел у стены, около окна койку, а на ней — в такой-же шинели как и на мне — человека.

Это был мой первый сожитель тифозного барака. Появление его не обрадовало и не огорчило меня. Все-же я счел своим долгом приветствовать его, и крикнул:

— С добрым утром, коллега!

В ответ услыхал тоже ворчанье, что́ и ночью; только теперь оно было более сердитым. Впрочем и то, что мне самому казалось обычным приветствием, с которым я обратилса к новому жильцу тифозного барака, вероятно, мало отличалось от того, что я услыхал в ответ.

Потом появились еще.

И все они появлялись вместе со своими койками.

Потом пришли санитары. — Два дюжих, угрюмых кубанца. Когда, однажды, один из них подошел ко мне — я почему-то спросил его:

— Голубчик, посмотри какая у меня температура? Санитар долго, молча смотрел на меня и ответил:

— Должно быть — большая...

Да, наверное, она у меня „большая"... Потому что так болит голова, так болит... Точто раскаленными железными обручами схватили ее и — нажимают, нажимают... И ничего, ничего кроме этой ужасной боли не чувствую. Ни о чем не думаю, кроме — как бы хоть на миг стряхнуть с себя эти обручи, хоть на миг освободиться от боли...

Потом пришло нечто новое. Пришло неожиданно и незаметно. Я не знаю, как это началось, но помню, что вдруг все, что было в бараке, пришло в движение: койки моих соседей свободно и легко начали перемещаться с места на место. Ни на минуту не останавливаясь, закружились по бараку санитары. Стены барака вдруг раздвинулись и, то уплывут далеко, далеко — то надвигаются на меня и грозят раздавить своими брюхами.

Я знаю, что лежать больше нельзя, что нужно бежать... И я бегу... А за мной бежит и моя койка и койки с другими больными, и санитары... Спасение мое только в бегстве, и я бегу, бегу... но откуда-то появляются стальные клещи; крепко схватывают меня поперек туловища и волокут назад... Я кричу, отбиваюсь от них, показываю на сдвигающиеся стены барака, но меня не понимают. Голову обвило что-то холодное и приятное, по всему телу пробежал озноб, охватывает сонливость и все исчезает...

(Окончание следует).

П. Крюков.

СВЯТЫНЯ.

На фоне неба голубого,
Сверкая брызгами лучей,
Среди безбережных степей,
Над храмом Господа Живого

Иглой брильянтовой стоит
Высокий крест позолоченый,
Молитвой веры окруженный
Незыблем вечно, как гранит.

К нему с давно минувших пор,
Крестясь, с молитвой обращались.
Ему, ликуя, поклонялись,
Отбив кочевников напор

Питомцы Дикого Заполья
И старой, сумрачной реки, —
Раздолья дети — казаки,
Бич бусурманского поморья.

Ватага вольницы — сарыни,
Идя к Стамбулу, на Кавказ —
Просила в храме всякий раз
Благословения святыни.

И, как надежный панцырь бранный,
Их крест Господень сберегал,
Им путь далекий освещал —
Разгульный, бранный и туманный!..

Владимир Клевцов.

ДАЛЕКИЙ КРАЙ.

Край далекий, край любимый!
Тихий Дон, старик седой!
Шлю привет тебе, родимый,
В даль лечу к тебе душой.
Там за морем, где далеко
Степи дикие лежат,
Где курганы одиноко
Предков кости сторожат, —
Там мой край! Когда то славный
Дон грозой был для врагов;
Управлялял всем Круг державный —
Дон не знал ничьих оков.
Но пришла лихая сила:
Пал в борьбе неравной Дон. —
И сынов его скосила
Смерть в бою за Тихий Дон.
Залил кровью враг лукавый
Все станицы, все сгубил:
Над святыней в злой забаве
Надругался, оскорбил.
Но придет и час расплаты —
Страшной мести близок час.
Слышу я — гремят уж латы,
Слышу грозный трубный глас.
Из далеких стран изгнанья
Грозно встанет великан —
Вскрикнув: — Кончилось страданье!
Переступит океан.

Вопросы программные.

Полгода тому назад вышел в свет первый номер „Вольного Казачества“ — „Вільного Козацтва“. Полгода тому назад мы взяли на себя инициативу об'единить и сплотить все живые силы Казачества около священной идеи государственной самостоятельности наших Земель.

Ясно и определенно поставили мы вопрос о том, что пришла пора говорить казакам с казаками, что наступило время, когда Казачеству нужно самому подумать о себе,

Всколыхнулось, взволновалось Казачество. Процесс „переоценки ценностей“, процесс кристаллизации казачьей мысли выступлением „В.К.“ значительно подвинулся вперед и недалеко то время, когда Казачество, одушевленное одной мечтой, охваченное одной идеей, соберется все под свои собственные знамена.

Слишком долго нас „опекали“ другие. Так если чужие так усердно „старались“ о нас, „заботились“ о нашем будущем, — то, не пора ли нам самим позаботиться о себе и о своем будущем?

Наши Земли, наши братья попали в рабство. Мы — в изгнании. Но, — таков уж закон истории человечества, — от рабства к свободе, а из изгнания к Отчизне нет пути без боя и борьбы.

Надо только, чтобы цели борьбы всегда были ясны, — чтобы не сбиться с дороги. А с дороги и с пути сбивают нас сейчас усердно свои и чужие.

Каковы же наши идеалы? Где наши путеводные знаки? — Конечными целями нашими есть создание демократических и культурных самостоятельных государств на территориях казачьих Земель б. Р. империи от Дона до Яика и об'единение этих государств в тесный братский союз, в котором царствовали бы справедливые законы для всех граждан и обеспечены бы были спокойный рост и развитие всех сторон духовной и материальной жизни народов, его населяющих. Не хотим никаких диктатур и экспериментов, не хотим быть страшилищем других народов, а хотим и стремимся присоединиться к семье культурных народов, сами как член культурный, миролюбивый и демократический. Не хотим сами господствовать над другими, но не допустим и чужого господства над собою.

Что же и кто стоит на пути нашем?

— Прежде всего большевицко-коммунистическая власть Москвы над нашими Землями.

А потому первая наша общая задача—освобождение из под власти РСФСР и СССР всех казачьих Земель от Дона до Яика и Оренбурга, как и Земель тех степных народов, что живут между ними.

Очевидно, что сейчас же после освобождения в каждом Крае соберется свой Круг, своя Рада, и уже песле того, как будут положены первые камни восстанавливаемой государственности на Дону, на Кубани, на Тереке, у калмыков и т. д.— только тогда наступит момент для создания общего: Союза Казачьих Республик — Казакии. А что это будет так, зарукой тому должен быть создаваемый уже теперь Союз Вольного Казачества.

Не хотим заранее устанавливать здесь твердых форм будущего государственного об'единения. Будет ли это союз государств или союзное государство, федерация или конфедерация, — это будет зависеть от воли народной, которая выявлена будет на Кругах и в Раде. Суть дела не в названии, а в том реальном содержании, которое в этот будущий государственный организм вложат на Союзном Конгрессе представители Кругов и Рады. Воля их — высший закон, который никто и никак наперед не может связывать.

Необходимым условием, основною предпосылкою возможности и успеха в осуществлении намеченной программы является примирение прежде всего между самими казаками: самостийниками, „красными“, „белыми“, „зелеными“, или еще какими, если они есть. Между собою нам драться не из за чего, попробуем найти общий язык и сговориться. В прошлом дрались мы одни с другими не за свои, а за чужие интересы. Пусть же в будущем „чужие“ сами дерутся за свои интересы, а мы будем бороться вместе — за свои.

Далее, — нужно такое же искреннее и полное примирение и соглашение казаков со старым (до большевицким) иногородним и крестьянским населением на Дону, на Кубани, на Тереке... Они должны стать такими же гражданами Казачьих Республик, как и сами казаки.

Не будем останавливаться здесь напрасно на остальных программных вопросах каждой из союзных организаций В. К. В основу их легли основные положения, высказанные уже в передовой статье первого номера „В. К.“. Программы эти почти одинаковы, за исключением тех деталей, какие диктовались особенностями каждого из союзников.

Таковы наши задачи. Такие задачи по силам только всему Казачеству.

В предстоящей освободительной борьбе, все равно, какими бы средствами она ни велась, сила Казачества будет зависеть от степени его политической организованности. Можно смело сказать: прямо пропорционально степени этой организованности.

Какие же формы политической организации выбрать Казачеству? — Мы уже сказали раньше на этом месте, что единственно целесообразной формой политической организации В. К. является С о ю з. Остается решить вопрос: создавать ли одну общеказачью (унитарную) политическую организацию или каждый из участников (донцы, кубанцы, терцы...) должен иметь свою организацию, а Союз Вольного Казачества в конечном счете создать как с о ю з с о ю з о в.

Мы считаем, что теперешние организационные формы В. К. нужно подчинять тому, ч т о мы думаем делать в будущем там. В основу бу-

дущих взаимоотношений наших Земель мы кладем союзный принцип. И, наоборот, нужно нашей теперешней формой организации В. К. здесь готовить на будущее тот блок, тот союзный организм, какой мы думаем создавать там, от Дона до Яика.

За союзную форму организации В. К. говорят и все неудачи создания унитарных („общеказачьих“) казачьих организаций в прошлом. А было их не мало. И, ни одна из них не имела сколько нибудь значительного успеха. Не всегда в этом отношении виноваты были программы, часто организации губят неправильные или неудачные организационные принципы. Наши предыдущие казачьи организации очень часто начинали с утверждения единства казачества, а кончали большей частью ссорами и расхождением. Это в одинаковой мере относится к политическим, как и к неполитическим.

Мы думаем, что нужно начинать каждым из союзников. Нужно, чтобы донцы создали сначала донскою организацию В.К., кубанцы — кубанскую, терцы — терскую... калмыки — свою калмыцкую национальную организацию... и между ними, между этими организациями уже создать тесный братский союз. И в основу этого союза союзов — С. В. К. — должно положить союзный принцип — формальное равенство участников его. Мы выбрали этот путь.

Это — схема. Нельзя в журнальной статье останавливаться на подробностях. Одно обстоятельство, или, вернее, одну нашу „болезнь“ последнего времени мы не можем обойти здесь молчанием. Казачество за все эти годы слишком хорошо узнало, что не всякий, идущий к нему и предлагающий свою дружбу, — в действительности оказывается потом другом и союзником. Правильнее было бы, пожалуй, сказать, что настоящих союзников у Казачества в прошлом не было. То уже другой вопрос — почему. И, наоборот, уж очень много было в рядах казачьих чужих, „волков в овечьей шкуре“. Приходили, становились в ряды, всегда добивались командных позиций и... вели Казачество не туда, куда нужно. Поэтому необходимо нам теперь же закрыть ряды В. К. всем чужим „гастролерам“ и „любителям“ казачества. В ряды В. К. могут становиться только свои, только те — казаки и неказаки наших Земель, — кто имеет право на гражданство Казачьих Республик.

А они, чужие, пусть идут и создают свои организации. Пусть каждый борется за свою Землю, за свою Родину. Станут рядом — попробуем сговориться. Мы никому не хотим навязывать своей воли, никому еще Казачество не садилось на шею. Будем того же требовать и от других по отношению к себе.

Иван Колесов.

Литературная Казачья Семья.

(К трехлетнему юбилею).

Акт.

Во имя Вольного Казачества.

Тысяча девятьсот двадцать пятого года месяца июня в девятый день собрались мы, нижепоименованные, дети Вольного Казачества, молодые казачьи литераторы, — собрались под благословенными сводами Флека и порешили создать — „Семью Молодых Казачьих Литераторов.“

Боевые знамена старого студенчества благословляли нас на Великое дело; тень Гёте, создавшего, по преданию, под этими мрачными сводами Фауста, витала над нами, с нами присутствовал незримо наш казачий писатель Федор Дмитриевич Крюков, радуясь молодому порыву — новым силам, пришедшим на смену, с нами были все те, кто горели любовью до нас к казачьим мотивам.

Озаренные любовью к Казачеству, мы смело поднимаем Вольное Знамя, Знамя художественной казачьей литературы и будем биться за него до последней капли крови. Убывающие из строя будут передавать его преемникам, но ни на минуту не свернется и не падет на землю его широкое полотнище!

Да здравствует Казачество!

Да здравствует художественная казачья литература!

В Праге. У Флека.

(Подписи основателей).

Литературная Казачья Семья.

Информация.

31 декабря 1925 года на собрании „Семьи Молодых Казачьих Литераторов“ решено:

1. Наименование „Семья Молодых Казачьих Литераторов“ изменить. С сего дня наименование будет: „Литературная Казачья Семья“.

Три года тому назад молодежь казачья, начавшая печататься в печатных казачьих органах, почувствовала необходимость постоянного общения и связи между собой и создала „Литературную Казачью Семью“, в начале названную „Семьей Молодых Казачьих Литераторов“.

Первое собрание (учредительное) состоялось у Флека, знаменитого пражского „пивовара“, насчитывающего сотни лет своего существования, излюбленного места студенческих сходок.

Здесь висят знамена старого пражского студенчества, бившегося под ними на баррикадах за честь отчизны, здесь же, по преданию, Гёте писал своего „Фауста“.

Перед молодыми казачьими литераторами стояла трудная задача — задача создания казачьей литературы.

Вот что говорится во второй части Акта „Литературной Казачьей Семьи".

Наши задачи:

1. Движение вперед. Краевая казачья литература. Во всем красота и художественность.

Эта задача тем более была и есть трудна для казачьих писателей, что предшественников у них почти не было.

Из казаков и жителей Казачьей Земли о Казачестве писали: Роман Кумов, Д. Л. Мордовцев (не казак), Я. Г. Кухаренко, Ф. Д. Крюков, П. Краснов... Большая часть из них тянулась, а некоторые и сейчас еще тянутся к российским мотивам, отдавая дань Казачеству постольку — поскольку.

Из наиболее известных и выдающихся писателей-казаков, писавших о Казачестве, был Федор Дметриевич Крюков, отдавший душу свою родным мотивам и положивший живот свой за Казачество.

Молодые казачьи писатели, имея перед собой блестящий пример служения родным мотивам в лице Федора Дмитриевича Крюкова, не отказываясь в ходе развития от общечеловеческих тем, решили все силы свои отдать Казачеству и художественной казачьей литературе.

Еще не так давно мало знакомые друг другу, изредка встречавшиеся, толковавшие о своих и чужих произведениях, казаки расходились с собрания радостные и возбужденные, близкие и родные — была общая цель — художественная казачья литература.

Дальнейшим этапом „Литературной Казачьей Семьи" было собирание литературных сил. Узнавали из журналов и сборников о пишущих, узнавали через знакомых, по слухам и слали зов.

Какое же казачье сердце, любящее Казачество, могло не откликнуться на зов?!

Так создалась „Литературная Казачья Семья".

Настоящий период творчества „Литературной Казачьей Семьи" вернее всего можно определить словом — героический. Очень часто стихи и рассказы выходят из под пера поэта и писателя не только служителя чистого искусства, но и гражданина своей Земли.

Вот стихотворение Бориса Кундрюцкова:

Я — рыцарь чести!
Моя папаха,
как ночь черна...
Трех-цветной лентой
Казачья шашка,
вся увита...
Там синий цвет
Казачьей славы,
страны родной...
Там желтый цвет
Кочевий дальних,
мне не чужой...
Там красный цвет,
То страшный цвет,
то кровь отцов!
Чтоб рыцарь помнил,
Чтоб вечно помнил
своих врагов!!!

Такого-же стиля стихотворение поэта Келина, в настоящее время выбывшего из „Лит. Каз. Семьи":

СПОЛОХ.

Ну, кормилица степь, выноси казака!
Заклубилася пыль по дороге —
Из далекой Москвы, из Орла, Токмака
Саранчею ползут к нам ворóги.

Коль заржавела шашка — наточим ее
В первой схватке с лихим супостатом —
И заблещет опять серебром лезвее,
И напомнит былое проклятым.

Оканчивается стихотворение так:

Кто не видел Сполоха — смотри поскорей!
Видишь, пыль по дорогам клубится —
Это Дон посылает родимых детей
За Степную Свободу рубиться.

Или вот еще отрывок из стихотв. „Пути Казачьи" того же автора:

... Мы не пошли в Москву просить ее защиты,
Когда средь бранных бурь нам было тяжело —
Не помнят искони палат кремлевских плиты,
Склоненное к земле чубатое чело...

Наш крепкий щит — закон, завещанный отцами:
„Ни с кем и ни к кому не ползать на поклон"...

Особенно выдается, как поэт-гражданин Павел Поляков. В его стихотворении „казакам-поэтам" говорится:

Гей, пора проснуться, вспомнить наши были
Да пожары сотен выбитых станиц,
И в делах приказных под наросшей пылью
Поискать старинных по степи границ...

У Юрия Гончарова стихотворение начинается:

По степям напев унылый
Да набатов звон...
За родимые могилы
Стань, мятежный Дон!

Стихотворение Алексея Персидскова — „Призыв Степана" обратило на себя внимание даже в СССР. Из него советская пресса привела выдержку:

Кто не может слыхать звон московских цепей,
Покидайте станцы степные!
Все седлайте скорей богатырских коней —
В путь-дорогу, орлы боевые!

Константин Поляков, в посвященном степнякам стихотворении, пишет:

А на утро, лишь стало светиться,
Мглу прорезал церковный звон, —
У собора казачьей столицы
Возродился могучий Дон.

В стихотворении казачки Любови Самсоновой сквозит болезненная тоска по Родной Земле:

О, Боже! Дай в последний раз,
Хотя в предсмертный тяжкий час
Увидеть синюю волну,
Испить прозрачную струю
Донской, святой для нас, воды,
Глаза под песни старины
Закрыть дай, Боже, в смерти час
Не на чужбине — а у нас!..

Ряд произведений казачьих поэтов написаны стихотворениями в прозе. У Петра Крюкова в стихотворении „Забытые могилы" читаем:

Далеко, далеко от нас, много дальше неприветливых волн вечно шумящего Черного моря, среди широких, привольных и безбрежных Придонских степей, — есть забытые, заброшенные могилки с покосившимися деревянными крестами, а иногда и вовсе без крестов: так, просто, холмик насыпан.

Заброшенные, забытые...

. . . . . .

Полонили Родимый край злые враги; опоганили, заплевали Придонскую степь и грубо насмехаются над семьями тех, чьи могилки разбросаны по простору степи.

Победители!..

Само собой понятно, что творчество „Литературной Казачьей Семьи" не ограничивается одними гражданскими мотивами. Есть и произведения чистой лирики, часто высокого качества. Для характеристики из лирических произведений приведу два: одно — Юрия Гончарова:

Месяц, месяц серпорогий...
Окоём всё уже.
Снег изгладил все дороги.
Над рекою — стужа.
Над пустыней снеговой
Звезд дрожащих брызги.
В целом мире — никого!
Прорубь лед прогрызла.

Острый иней мечет иглы мне в башлык,
От людей между людей я — приотвык.
К чорной проруби ползет глухая муть,
Вот: туда-б мне мою милую столкнуть!
За огни в ее изменчивых зрачках,
За огни, что — для меня и — для других,
За тоску, что принесла издалека
И, смеясь, мне подарила в скорбный миг...

И другое — Бориса Кундрюцкова:

Бродя задумчивый и строгий,
Коня вдруг я остановил, —
Мне идол темный и убогий
Степную стежку преградил.
Стоял безмолвный и бесславный
Один в степи забытый бог,
И я пред ним сухие травы
Рукою грубою зажег.
В том алом зареве ожили,
Усмешкой двинувшись, уста,
И искры долго нам светили, —
В ту ночь плясали — он и я.
Потом мы чокнулись за встречи,
И он мне тайн поведал ряд,
Расправив каменные плечи,
Пустой в меня уставив взгляд.

В настоящем кратком очерке нет возможности коснуться прозаических произведений, а потому я обойду эти произведения молчанием. Но и в прозе, как напр. у Михаила Самсонова, у Терентия Михайловича Старикова... звучат те же мотивы, что и в стихотворениях поэтов: любовь к своей отчизне — Казачьей Земле.

Что же сделала „Литературная Казачья Семья" за свое трехлетнее существование? Во первых: заставила обратить печатные казачьи органы серьезное внимание на казачью литературу. Даже те казачьи журналы, в которых господствовало предубеждение вообще против поэзии, на том основании, что „Пушкиных из вас не будет", внимательно теперь относятся к литературе и ищут ее везде!

Во вторых: вдохнула родные мотивы в творчество казачьих поэтов и писателей. Призыв к вольности и воле.

В третьих: об'единила писателей и поэтов казаков.

Задачи на будущее:

1. Большее и большее совершенствование членов „Литературной Казачьей Семьи."
2. Подбор новых сил.
3 Искание самобытных путей казачьей литературы.

„Озаренные любовью к Казачеству мы смело несем Вольное Знамя, Знамя художественной казачьей литературы и будем биться за него до последней капли крови. Убывающие из строя будут передавать его преемникам, но ни на минуту не свернется и не падет на землю его широкое полотнище!

Да здравствует Казачество!

Да здравствует художественная казачья литература!"

Ис. Быкадоров.

Качество или количество.

Боевая мощь всякой войсковой части и, в целом, армии зависит от сложных составных данных: численности, подготовки командного состава и самих войск, организации, вооружения, технического снабжения и т. д.

Главным и наиболее из них постоянным данным является качество людского материала, из которого комплектуется войсковая часть.

В государствах, имеющих национально единое население, как напр., в Германии, Франции, Англии, Италии, боевая мощь, более или менее одинакова для всех войсковых частей одной и той же категории.

Разница в качествах людского материала в них наблюдается между сельским и городским (рабочим) населением, колеблется в зависимости от возраста призываемых в войско во время войны.

Иначе дело обстояло и будет обстоять в государствах, имеющих в своем составе ряд отдельных национальностей (народов); в так называемых лоскутных империях, как это было в Австро-Венгрии и России, а теперь СССР. Боевая мощь войсковых частей в таких армиях по опыту Мировой войны была величиной весьма изменчивой, подверженной значительным комбинациям, завися от качества той национальности, из которой комплектовалась часть, или того или иного численного соотношения различных национальностей, входивших в состав ее.

Это основное данное — качество народа, из которого укомплектована войсковая часть, никогда в русской армии не принималось во внимание.

Все народы, входившие в состав России, обобщались под государственно политическим названием—„русские" и качеством великорусса — русского по преимуществу, определялись качества русского солдата.

Боевые же качества великоросса, как солдата, были вне всякого сомнения и подозрения. Русский солдат был наделен качествами чуть ли не первого в мире храбреца, обладающего исключительной стойкостью, выносливостью, готового „лечь костьми за царя-батюшку, веру православную" и т. д. Ни в военных училищах, ни в академии генерального штаба, при изучении многочисленных походов, операций и сражений, никогда не делалось учета, анализа национального состава войсковых частей, одержавших победу или потерпевших поражение. Были вообще „русские" войска, скрывавшиеся под №№ и названием части, но эти вывески не раскрывали души и сердца части. Оставалось скрытым, что часто исторически сложившаяся слава за какой-нибудь войсковой частью, об'яснялась прежде всего тем, что главный источник комплектования этой части был всегда как раз не великорусский.

Победа записывалась в адрес начальника доблестных войск, поражение в адрес начальника же, недостатка снарядов, патронов, вообще техники, случайностей и никогда в адрес войска „доблестно отступавшего", хотя как раз национальный состав войсковых частей давал истинную причину поражения.

И в исследованиях русских военных и невоенных писателей Мировой войны эта тенденция остается в полной силе, и на различие качеств различных национальностей, входивших в состав русских армий (отчего прежде всего и зависело различие боевой мощи войсковых частей б. русских армий) не обращалось и не обращается никакого внимания, это данное упускается или опускается из поля зрения.

Вследствие того, что вопрос о пригодности людского материала для создания вооруженной силы и прежде всего, в численном отношении, главного ядра б. России — великороссов не освещен ни общей, ни военной исторической наукой, нам приходится осветить его и исторически.

Каждая эпоха государственного развития имела свою военную систему, пред'являвшую особые требования к качествам людского материала для создания вооруженной силы.

Создание вооруженной силы для Московского государства было трудно разрешимой для нее проблемой, так никогда и не разрешенной им благоприятно и успешно.

Образование дворянско-помещичьего сословия, вся поместная система: овладение дворянством землей, а затем и сельским населением (крестьянами) в виде собственности произошло и развивалось не из государственных экономических потребностей и выгод, а, наоборот, вопреки им, из требований создания вооруженной силы.

При существовании поместной военной системы войска во время войны составлялись из ополчения, качеством населения определялось и качество войск. Войска постоянного типа — стрельцы и городовые казаки численно составляли незначительную часть всех сил и служили по большей части как крепостные (городовые) войска. Московское государство выходило победителем из вооруженной борьбы с противником равным, побеждая, главным образом, благодаря численному своему превосходству над противником, или большей организованности и превосходству средств, как это в борьбе против мордвы, черемисов, башкир и т. д. В борьбе на Западе — против Ливонии, Швеции, Литвы и Польши, а после соединения их против Польско-Литовского государства, Московское государство почти всегда терпело поражения до конца XVII стол. Здесь не помогало и численное превосходство над противником.

Победы над татарами, завоевание царств Казанского были совершены в результате искусной традиционной политики московской: противопоставления друг другу противников и, главное, благодаря помощи союзника Московского государства — Вольного Казачества (Донского, Волжского и Яицкого).

И сама Москва предохранялась от разгрома с юга, со стороны крымских и ногайских татар не вооруженными силами, не укрепленным рубежом, а неустанной борьбой, какую вело с ними то же Вольное Казачество.

Основная причина поражений Московского государства в войнах на Западе зависела от слабых качеств войска, а это непосредственно зависело от слабых качеств, непригодности, как войска, населения Московского государства.

Население это, т. е. великороссы, образовались из помеси славянского племени лесной полосы с финнами и еще более из помеси финнов с славянами с принятием ими славянского языка и христианства; обе эти части, трудно отделимые одна от другой, и составили великорусскую национальность.

Значительная примесь финнов, полудиких племен, повела к вырождению качеств, свойственных славянам и приобретению качеств, свойственных финнам: этому способствовала и народно-хозяйственная деятельность и новый быт.

Крепостное право не вело к повышению боевых качеств у сельского населения, а, наоборот, к понижению их.

Военно-поместная система с этой стороны не только не разрешала вопроса о создании для государства вооруженной силы, а, наоборот, ухудшала существовавшие ранее условия.

Главным родом войск в ту эпоху была конница, а ее то в Московском государстве сколько-нибудь удовлетворительного качества ни по социально-экономическим условиям, ни по условиям быта образоваться не могло. Великоросс, житель лесисто-болотистой полосы, имевший для пахоты сивку-бурку, ростом чуть выше пояса, не мог естественным путем подготовиться для превращения своего во время войны в конника.

Печальную картину представляла из себя и поместная дворянская конница — в виде тюков, взгруженных на лошадей. Невысоким качеством отличалась и главная масса московского войска — пешее ополчение. Условия крепостного труда не выработали ни энергии, ни воли, ни других качеств, так необходимых для войны. „Поменьше сделать“ было главным стимулом этого подневольного труда, а из рабов, как известно, никогда хорошего войска не создавалось. У сельского населения Московского государства, дававшего главную массу войска во время войны не было и не могло быть ни идеологического, ни морального, ни психологического содержания в государственном смысле.

Государем у каждого крестьянина был его помещик, государством — вотчина или поместье последнего.

Мечта о третьем Риме, о великодержавии московском была достоянием исключительно боярства и духовенства. Отношение народных масс (крестьянства) к государству, к дворянскому сословию, к тогдашнему социально-экономическому строю обрисовалось вполне в Смутное время, в Московские бунты при Алексее Михайловиче и во время Разинского движения.

Но они как раз и обнаруживали слабое качество у великоросса: отсутствие энергии, воли, отсутствие необходимой жертвенности, отсутствие способности к самоорганизации, а, наоборот, выявили способность превращать борьбу за свободу в анархию.

Московское государство терпело поражения в широком смысле вследствие своего государственного устройства, в частности — непригодности населения к созданию вооруженной силы, понижения боевых и иных качеств его этой же самой военно-поместной системой.

Московская государственная власть уже в XVII ст. чувствовала и сознавала слабость своей вооруженной силы и пыталась разрешить вопрос, или хотя бы улучшить ее созданием войск „иноземного строя“ при царе Михаиле Федоровиче и, особенно, при Алексее Михайловиче, выпиской иностранных инструкторов и созданием полков солдатских, драгунских и рейтарских. Это было улучшение, но не коренное разрешение вопроса. Материал оставался неизменным, того же качества. Основной недостаток московского воина Іоанн IV, сравнивая с постоянным противником, по словам иностранца путешественника, обрисовал так: „поляку в битве нужна узда, а русскому шпоры“. Эта необходимость идеологических, моральных и психологических шпор, отсутствие необходимой энергии, воли, силы преодоления, является неизменной исторической чертой великоросса и по сей день.

Таким образом, когда в Московском государстве вооруженная сила создавалась во время войны из ополчения, поражения его были закономерностью, следствием непригодности, или во всяком случае весьма слабой пригодности его крестьянского населения, как военного материала для ведения вооруженной борьбы.

Вопрос о вооруженной силе вполне благоприятно был разрешен уже Русским государством, после того как Московская царская династия была принята добровольно Украиной, а затем и Вольным Казачеством (Донским, Яицким и Терско-Гребенским Войсками) во второй половине XVII стол.

Разрешение вопроса заключалось и в принятии Петром I западно-европейской военной системы, созданием классового войска. В целом же успех зависел от того, что Русское государство состояло уже к тому времени не из одного Московского государства, но и из Украины и Вольного Казачества.

Мудрость заключалась не только в принятии для Великороссии западно-европейской военной системы, но и в сохранении, хоть и в извращенном виде, казачьей системы, ее существа; в сохранении Вольного Казачества длительное время как государственно обособленного организма и в распространении казачьей системы на украинцев. При длительном сроке службы (до 25 лет) из великоросса вырабатывался отличный солдат в физическом отношении, получал он и недостающее ему моральное и психологическое содержание, которого не давало и не могло дать крепостное право.

Армия стояла совершенно отдельно от народа, связанная с ним механически, а не органически. Суворовское: „мы — русские, чудо-богатыри“, являлось стимулом войск, а не народа.

В эпоху, когда существовали классовые армии, с начала XVIII и до половины XIX ст., русская армия являлась неизменно победоносной. Сложение сил великороссов, украинцев, казачества и др. в этих победах являлось одним из главных факторов силы русской.

Это эпоха завоеваний России, территориального ее развития. Победы — следствие высокого состояния русской классовой армии, перерабатывавшей совершенно сырой материал, поступавший в ее ряды.

Народные массы (крестьянство) великороссов в это время оставались в тех же условиях и состоянии, как и 2 и 3 века перед тем; различие было лишь между различными национальностями, составлявшими Россию и несмотря на то, что нивелировка шла по наиболее слабому, бесправному великорусскому народу, они сохраняли свои особенности и оставались выше его по своим качествам. Первая половина прошлого столетия была началом новой эпохи — народных армий, все более и более представляющих во время войны из себя вновь былые ополчения.

Новая военная система есть следствие непосредственного государственного развития государств Зап. Европы. В современных условиях весь народ участвует в жизни государства. Цели войн затрагивают жизненные интересы всего государства, всего народа и в защите государства или в осуществлении его целей и должен участвовать весь народ. Только при участии его в целом и может быть осуществлена защита или достигнуты жизненные цели.

В настоящую эпоху, которая еще далеко не достигла полного выявления своего существа, во время войны ведет ее весь вооруженный народ.

Постоянная армия есть лишь кадр для развития вооруженных сил во время войны, служа лишь легким каркасом для превращения государства в вооруженный народ. Постоянная армия в настоящее время ни в каком случае не является классовой. Сроки службы 1—2 года слишком незначительны и едва достаточны для прохождения специально военной учебы, осложняющейся непрестанным развитием техники, для накопления запаса из военно-способных, военно-обученных. Срока в 1—2 года недостаточно для воспитания: крестьянин не перестает быть во время отбывания военной службы в постоянной армии крестьянином, рабочий — рабочим. Армия постоянная не может всех военно-способных провести через ряды свои, проходят их только часть ($^1/_4$—$^1/_2$), а остальные получают еще более кратковременную подготовку.

Существующая военная система при современных условиях является наиболее совершенной, она одна только и дает возможность во время войны обращения государства в действительно вооруженный народ, конечно, и при других необходимых условиях. Понятно о возвращении к классовой армии в современную эпоху не может быть и речи.

Не напрасно победители в Мировой войне главным разоружением побежденных сделали не только ограничение численности их постоянных армий, а лишение их права комплектовать свои армии по всеобщей воинской повинности и тем накапливать запас военно-обученных людей, т. е. возможность обращения в вооруженный народ. Установив для них 10 летний срок службы солдат, победители вернули побежденных к отжившей форме для современной внешней войны и классовой армии.

Во время войны современная армия представляет из себя не что иное, как ополчение. В отношении России, а теперь СССР, это, по существу, возвращение к Московской системе.

Армия не в состоянии произвести переработки людского материала и в мирное время, а тем более в военное. Качества армии, войсковых частей определяются непосредственно качествами народа, его развитием, культурными достижениями, социально-экономическими условиями, бытом и т. д.

В России ранее, а в СССР в настоящее время качество войсковых частей зависит и от той национальности, от качеств ее, из которой укомплектована часть.

Относительно Франко-Прусской войны 1871 г. есть выражение, что тогда победил германский учитель, не в том смысле, что он давал солдата, умеющего читать и писать, а развитого, солдата-гражданина, уже обработанный материал; это условие для вооруженного народа необходимое, но не единственное.

Победа в Мировую войну держав согласия об'ясняется победой французского и английского инженеров.

Развитие человечества, сохраняя и другие условия, выдвигает для войны требования уже техника.

Новая эпоха — эпоха поражения в войнах России и поражение ее при ведении войны вооруженным народом есть та же закономерность, какова была в поражении ополчения Московского государства.

Поражение России в Крымскую войну (1855—56 г.) было на переломе новой эпохи.

Победа России в Русско-Турецкую войну (1877-78 г.), при превосходстве сил и средств против противника еще более отсталого, чем она сама, далась с большим трудом и кровью, это уже не победа прежней эпохи.

Поражение России в Русско-Японскую войну зависело не только от бесталанного командования генерала Куропаткина, но главным образом, от меньшей боеспособности русских войсковых частей в сравнении с японскими, от превосходства качеств японца над русскими.

Если мы обратимся к Мировой войне, то должны признать, что поражение России зависело не от превосходства только немецкого солдата над русским солдатом, а от превосходства вообще немца над русским. Не может быть никакого сомнения, что если бы Россия вела войну один на один с Германией, то, несмотря на свое численное превосходство более чем в 2 раза, она потерпела бы поражение менее чем в течении 1 года.

Поражение России в современной войне есть исторически закономерная неизбежность.

Качество вооруженного народа, т. е. армий во время войны теперь зависит главным образом непосредственно от качеств народа. Вся государственная система есть следствие этих качеств.

В настоящее время качества западно-европейского солдата превосходят и будут превосходить не одно поколение качества русского солдата, потому что превосходят и будут превосходить качества западно-европейского гражданина над качествами российского обывателя. Узко животная выносливость, способность переносить физические невзгоды, способность переносить голодовку отходит на второстепенный план. Русский солдат в Мировую войну, особенно в первую половину ее, питался так, как не питался никогда ни русский крестьянин, ни русский рабочий.

Для превращения в хорошего солдата необходим соответственный характер: способность к длительному проявлению энергии, настойчивости, воли, выносливость моральная и психологическая и не только сопротивляемость, но и запас сил для выявления активности силы преодоления. Армия выработать этого не может. Наличие этих качеств—следствие исторических, социально-экономических и бытовых условий существования народа. Как раньше классовая армия вырабатывала солдата, так само государство теперь вырабатывает гражданина-воина.

Западно-европейский рабочий при американизированном труде приучается изо-дня в день работать без перебоев с затратой необходимой энергии и воли и это лучшая подготовка, чем условия работы русского рабочего с понедельниками и прогулами, как это было в России.

Мы уже не говорили про то, что западно-европейский рабочий в общем является почти готовым техником для войны.

И условия сельского труда в Зап. Европы, с постоянным выявлением труда, энергии и воли, труда разумного, без прогулов и перебоев, подготовляют лучше солдата, чем в России и чем теперь в СССР. Вызывающее у русской эмиграции иронию и насмешку галежничество и сантимничество западно-европейского земледельца и вообще рабочего — есть сознание, чего хочешь и уменье это хотенье осуществлять — т. е. постоянное упражнение воли. Труд крестьянина, как ранее был закреплен в Московском государстве барином, так теперь в СССР закреплен государством. Отсутствие возможности материального накапливания лишает труд необходимого стимула, или является—„как бы не переработать“.

Настроением вооруженные народы не могут воевать, его не хватит надолго, а тем содержанием, привычками, которые вырабатываются у народа поколениями. Вместо куропаткинского: „они (японцы) нас шимозами, а мы их молебнами“, СССР выдвигает: „они (Зап. Европа) газами, тяжелой артиллерией да авиацией, а мы их политграмотой.“ Но ни молебны не давали победы, не даст их и политграмота.

Мы уже не говорим про государственную мощь Зап. Европы, государств ее, про экономическую и техническую мощь в сравнении с которой мощь настоящей СССР, а равно и гипотетической „единой, неделимой России“ не может не представляться ничтожной.

Империалистические устремления СССР при осуществлении мировой революции, „Единой, неделимой“ при продвижении к Дарданеллам, к Балтийскому морю

и по другим направлениям и Евразии при стремлении расширения „основного ядра бывшей России“ неизменно должны привести к вооруженным столкновениям.

В определении военной мощи СССР, или другого „единого“ построения на месте ее имеет большое значение не только то или иное сцепление разных национальностей в одно целое, но и самые качества этих национальностей, как боевого материала.

(Окончание следует).

Д-р С. Федоров.

Переяславский договор 1654 г. и Донские статьи 1671 года.

В текущем году исполняется 257 лет с того дня, когда вольная казачья республика Великое Войско Донское силою многочисленных обстоятельств вынуждено было принести свою первую присягу Московскому царю Алексею Михайловичу на соблюдение определенных условий, записанных в статейном списке.

Это не была присяга на верность государю, которую обычно приносят подданные при воцарении нового монарха или присоединении новой территории к державе. Такая присяга была принесена Доном и Сечью Запорожскою впервые позже — 250 лет тому назад, при вступлении на престол сына Алексея Феодора.

Присяга 1671 г. была присягою н а с л у ч а й, такою же, какую Войску Донскому пришлось приносить в 1705 г. во время Астраханского стрелецкого бунта, но тем не менее и эта присяга наложила свой отпечаток на взаимоотношения Дона и Московской Руси, юридический характер которых не может не интересовать потомков Вольного Казачества.

С. Г. Сватиков в своем исследовании по истории государственного права на Дону определяет момент 1671 года — подданством Дона России, а новый период жизни Донского Войска — периодом государственной автономии. Период же взаимоотношений Дона к Москве до этого времени, как вассальный (с 1617 г.), со времени получения Донцами первого знамени, считая, что факт вручения знамени был своего рода инвеституроюю. До 1614 г. Дон, по его мнению, был независимой республикой.

Так ли это?

Следует отметить то обстоятельство, что атаман донской станицы Игнатий Бедрищев был отправлен в Москву с отпискою о прибытии в 1613 г. послов московских на пути в Азов. В отписке донцы извещали о получении незначительного жалованья за принятие послов и, указывая на свои службы, били челом о пожаловании знамени и жалованья на 7 низовых атаманов и 1888 казаков. В расспросных пунктах на Москве сам Бедрищев указал, по сказке, что в верхних городках есть еще 17 атаманов, „а сколько при них и в какой станице казаков, он не знает“. В это время верхние Донские казаки, Волжские, Яицкие и Терские еще „стояли“ при Заруцком и „казачьем царе“ — „воренке“ — сыне Лжедимитрия и Марины Мнишек, в свое время серьезном сопернике Михаила Романова на московский престол, т. к. на Земском Соборе, избравшем Михаила на царство, фигурировали эти два кандидата.

Таким образом, просьба о знамени с посылкой Бедрищевской станицы было частным предприятием приверженцев московской партии, руководимой низовым атаманом Епихой Радиловым, Смагой Степановым, Кабановым, Уколовым, Ерофеевым и Трубчаниновым, которые по собственной инициативе, не имея полномочий всего Великого Войска Донского, конечно, не имели права, не созвав общевойсковой Круг, решать вопрос об изменении существовавшего на Дону политического строя — это была компетенция большого весеннего Круга.

И фактически положение донцов в отношении Москвы, по сравнению с периодом до 1614 г., оставалось без изменения во все время царствования Михаила. Внешняя и внутренняя московская политика терпела непрестанно моральные поражения от Войска Донского при всех попытках Москвы навязать свою волю, как обязательную к исполнению.

История царствования первого царя из дома Романовых знает много мелких и четыре серьезных и продолжительных конфликта Москвы с Доном, причем некоторые из них продолжались по несколько лет.

Попытка привести казачество к крестному целованию в 1632 г. потерпела полное крушение и царь получил достойную, логически построенную и обоснованную отповедь казачества, которая сводилась к тому, что „с нами того крестного целования не обновица, чего искони века не было“...

Войско чувствовало себя юридически и фактически так же независимым в отношении московского государя, каковым оно было и до 1614 года, иначе оно не осмелилось бы в зиму 1631 г., (по заточении станицы Наума Васильева в тюрьму в 1630 г.) заключить мир с Азовцами и пропустить их итти войною в Московские пределы, ибо „за миром громить их не смеют“, как писало Войско Царицынскому воеводе.

Попытки же привести донцов к крестному целованию делались и раньше — в 1606 г. царь Василий Иванович Шуйский посылал для этой цели на Дон дворянина Василия Толстова, а вместе с тем „и жалованье являти“, но успеха не имел.

Фактов вручения знамени и иных клейнодов в истории Вольного Казачества XVI—XVII в. мы знаем несколько — войско Низовое Запорожское получило серебряные трубы, знамя, литавры, булаву и др. клейноды от императора священной римской империи Рудольфа II-го, получало оно подобные знаки и от царей московских и от короля польского Стефана Батория, но „пожалование“ клейнодов в правовом понятии того времени не означало в а с с а л ь н ы х или иных каких зависимых отношений Запорожцев к жаловавшим коронованным особам.

Это обстоятельство определенно выражает посол римского (австрийского) императора Эрих Лясота, привезший клейноды в Запорожье в 1594 году. Запорожцы, отправляя своих послов к императору писали: „Всепокорнейше и чистосердечно мы передаем Вашему Императорскому Величеству, как верховному главе всех христианских королей и князей, себя самих и п о с т о я н н о в е р н у ю п о к о р н е й ш у ю с л у ж б у свою.“ Несмотря на ясно выраженное содержание службы — никто не определяет юридическое положение Войска Запорожского, как в а с с а л ь н о е в отношении императора Рудольфа II.

Отписка же Войска Донского, присланная с Бедрищевым в начале 1614 г., не содержит даже и таких выражений, какие употреблены запорожцами в 1594 году, упоминание же о с л у ж б е не давало еще никакого юридического права определять Войско Донское в в а с с а л ь н о е отношение Москве.

К уяснению юридической природы отношений Казачества с Москвою того времени чрезвычайно трудно подходить с мерками нашего времени. Человек принадлежит своему времени, сросся с представлениями своей эпохи и всегда, когда он начинает исследовать и оценивать события минувших столетий, то натыкается на такие трудности, которые не один раз сделали бесцельным учительское послание истории.

Человеку очень тяжело оторваться от определений своей эпохи и можно только приблизительно установить оценку взаимоотношений отдельных держав в нашей терминологии. XVII-ый, а тем более XVI в. в., — не наш XX век, подгонять международные связи того времени под очерченные в наше время теорией государственного права образцы и формы почти невозможно, жизнь и в

наше время дает немало примеров таких сложных междугосударственных взаимоотношений, подвести под которые какую то одну определенную меру бывает очень тяжело. Тем более трудно подвести междугосударственные взаимоотношения далекого прошлого под те или иные современные нам формы их, которые определяет голая теория государственного права.

В службе казачьей Москве до 1671 г., мы видим только оффициальное признание морального авторитета московского государя, она никак не вкладывается в понятие в а с с а л и т е т а. Даже идея протектората едва ли может быть здесь приложена.

„Идея протектората, как и вассалитета, неминуемо предусматривает п о д ч и н е н н о с т ь, протектор становится в положение опекуна и поэтому одновременно с тем господствующего, а охраняемая держава — зависимой. Принимая на себя обязанности охраны и защиты государства, протектор естественно выговаривает себе право контроля по крайней мере международных сношений того, кого он охраняет“, — пишет проф. Куркунов.

„Таким образом“, говорит проф. Лащенко, „идея протектората тесно связана с идеей ограничения суверенной власти той державы, которая подпадает под протекторат другой“ — в таком положении очутилась Грузия в 1783 г. по договору Ираклия II-го с Екатериной, или Хива, когда ее хан по договору 1873 г. признал себя „покорным слугою“ государя Российского, отказавшись от сношений с соседними владетелями и ханами без согласия российского правительства.

Отношения Хивинского ханства к Империи Российской означенны в государственных законах, как п р о т е к т о р а т. Россия, в целях контроля, ввела свои войска и в Грузию и в Хиву, и имела своих представителей при владетельных особах этих стран. Вассальным государством была Бухара, ограниченная еще более.

Никаких договорных отношений между Доном и Москвою не существовало, как и между Войском Запорожским Низовым и Москвою; их взаимоотношения были фактические. Мы умышленно подчеркиваем Н и з о в ы м, оттеняя этим вольную Днепровскую казачью республику от Войска Запорожского р е е с т р о в о г о, упоминаемого в Переяславском договоре 1654 г.

Платонов определяет эти отношения как протекторат, относя его к периоду первых царей Романовых, и это определение наиболее подходит, только это был протекторат фактический, а не юридический, более близкий к военному союзу, чем к действительному протекторату. Да и военный союз не накладывал на Войско обязательственных отношений, а военная помощь Москве была делом доброй воли, как и Москвы Дону с 50-х годов XVII ст.

Первые ограничения права международных сношений Войска Донского означены в статьях 1671 г., подтвержденных присягою казаков; подобные ограничения являются нормальными при установлении протектората, но и тогда на территории Дона не появились ни царский представитель, ни постоянные войска. Войско сохранило всю полноту своих прав, и продолжало пребывать в сношениях с Москвою через тогдашнее ее министерство иностранных дел — Посольский приказ.

Войко Низовое Запоржское в этом отношении сохранило свои права в более широком об'еме — оно отказалось от присяги 1654 года и юридически не распространило действий Переяславского договора на свою территорию. Это был один из „смертных грехов“ Сечи Запорожской, указанный в грамоте Петра I-го по поводу разрушения ее в 1709 г.

Действие Переяславского договора распространялось только на Гетманскую Украину, собственно говоря, правобережный ее клочек, ибо левый берег скоро отошел к Польше.

Сравнивая положение Гетманщины после 1654 г. и Дона в период 1671 — 1721 г. и даже позже, до самого XIX в., г. Сватиков видит все преимущества на стороне Дона, поэтому будет не безинтересно ближе коснуться вопроса юридической сущности Переяславского договора 1654 года.

Как известно, основное содержание статей Богдана Хмельницкого сводилось к следующему:

1. Украина имеет свою государственную территорию со своим выборным управлением, независимым от Москвы, с гетманом во главе,
2. Украина сохраняет: право своего законодательства,
3. свое судопроизводство,
4. свое войско,
5. Сохранено право сношений с пограничными владетелями, но с в е д о м а ц а р я.

Статьи 1671 года не касаются суверенных прав Войска Донского: Москва фактически признавала Донскую территорию, управление и власть, отпуск „жалованья“ хотя и имел вид вознаграждения за службу, но фактически давался Войску как с т р а х о в а я п р е м и я от возможных „случайностей“ и по характеру более походит на „шерть“, посылаемую Москвою крымским и ногайским владетелям, в гораздо большем количестве, чем Войску, в тех же целях „страховки“ себя от материальных убытков. Подобным образом Москва и поясняла Туркам и Татарам факты присылки жалованья Донцам, прямо заявляя, что попытки согнать их с Дона вооруженной силой не будут иметь успеха.

Главные статьи присяги 1671 г. касаются незлоумышления старшин и казаков против особы монарха, государства Московского и посягательств на престол. Право политического убежища из безусловного переходит в условное, подобно тому как это практикуется в международных отношениях нашего времени, но и после 1671 г. для выдачи бежавшего на Дон преступника Войско требует каждый раз особой грамоты.

Цель присяги, как пишет г. Сватиков, была обезопасить Москву от:

1. организации на Дону „предприятий“, подобных Разинскому,
2. самозванцев,
3. попыток свержения династии и замены ее другою, русской или иностранной. Именно поэтому и вводится серьезное ограничение права сношения с „поляками, немцами и татарами“ помимо Москвы; больной вопрос Дона — сношения с Азовом не затронут вовсе.

Из приведенных сопоставлений и сравнений г. Сватикова ясно видно, что Войско Донское в 1671 г. и последующих годах находилось в более выгодном отношении, чем Гетманская Украина. Тем более интересно определить юридическую природу Переяславского договора и сравнением найти истинное положение Донской республики в отношении Москвы.

(Окончание следует).

Мих. Минаев.

Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.

VI.

Ненормальность жизни казачества в смысле правовом и бедственное его положение в отношении хозяйственно-экономическом сознавала российская власть и стремилась их упорядочить.

Екатерина II во второй половине XVIII столетия созвала законодательную комиссию, имевшую своей задачей привести в порядок и систему сепаратное казачье право и согласовать его с правом общеимперским.

В начале XIX ст. после Отечественной войны (1812), вызвавшей своим последствием хозяйственно-экономический кризис казачества, вопрос об урегули-

ровании всех сторон жизни его снова стал на очередь государственных мероприятий. Александр I учредил комитет по разработке „положения об управлении Войска Донскаго". Работы комитета были закончены в царствование Николая I, и в 1835 году был высочайше утвержден закон — „Положение об управлении Войска Донскаго", начавший собой новый период в истории аграрного законодательства Войска Донского, период подробного писаного права, который по своему характеру и в отношении хронологическом можно разделить на следующие три части: 1. Законы самодержавной российской власти, 2. Законы Войскового Круга и 3. Законы российской коммунистической партии.

В 1767 году Екатериной II была учреждена Законодательная комиссия по упорядочению правовой жизни всех казаков. Донское Войско имело в этой комиссии 6 депутатов. В отношении казачьего населения Российской империи комиссия выработала „Проэкт законов о правах войск казачьих". Этот проэкт определял положение казачества среди других сословий империи, как чисто служилый элемент („люди, служащие к обороне границ Российской Империи"); при чем, „по состоянию прокормления и тех мест, где они обитают", казаки были разделены на жительствующих целыми войсками в общинах, округах земель общих владений (запорожские, донские, волгские, яицкие, гребенские, терские) и жительствующих при крепостях. Проэкт подчинял жизнь казачества общеимперским законам, за исключением некоторых прав и привилегий (право звериной и рыбной ловли на своих территориях, право постройки на своем дворе лавок, харчевен, трактиров, право найма для домашних работ ясырей на 8 лет, запрещение продавать и закладывать земли, данные на целые войска). Комиссия существовала до 1768 года, когда прекратила свои работы по причине войны с Турцией.

Последующие события — восстание Емельяна Пугачева, бунт донских станиц в связи с грамотой о принудительном переселении 3000 донских семей на Кубань, дворцовый переворот, отечественная война — препятствовали устройству нормальной жизни донского казачества.

Война 1812 года, потребовавшая от Донского Войска чрезвычайного напряжения всех его сил — было мобилизовано все население Войска от 15 до 60 лет в количестве 60.000 человек, — а в 1815 году в Войске было людей военного возраста всего 37658 — привела Дон к тяжелому экономическому кризису, который еще раз обнаружил всю ненормальность хозяйственно-экономической жизни Казачества, а также необходимость и неотложность реформ.

В 1818 году Донской Атаман А. К. Денисов просил Александра I об учреждении комиссии, которая бы, на ряду с иными, разобрала вопрос о распределении земельных угодий.

Рескриптом от 10 марта 1819 года Александр I назначил Комитет, которому поручил разработку проэкта „Положение об Управлении Войска Донскаго".

В начале работ комитета („Комитет об устройстве Войска Донскаго") председателем его был Донской Атаман ген.-лейт. Денисов Адриан Карпович, один из замечательнейших людей того времени в Донском Войске. Денисов имел в виду „разные войсковые по внутренности распорядки размножить письменно, дополнив правилами, с настоящим временем согласными, и сохранив всю древность ух установлений, а станичные юрты увеличить и размежевать „дабы и будущее потомство не имело утеснения". Но Александр I имел свои взгляды на этот вопрос, назначил в Комитет генерала Чернышева и чиновника Болгарского, „которые повели работу Комитета согласно данных им инструкций, что привело к столкновению с Атаманом. Денисов был отстранен от председательствования и „вовсе от службы" (рескрипт 27 января 1821 года), а дело комитета было поручено ген. Чернышеву с переводом самого Комитета в Санкт-Петербург.

В 1835 году, уже в царствование Николая I, „Положение" было высочайше утверждено 26 мая 1835 г., а на Дон было привезено для торжественного вручения и проведения в жизнь 1 января 1836 года.

Определив подробно все стороны казачьей жизни, закон 1835 г. также подробо коснулся и вопроса аграрного. Согласно ст. 1 (Свод Уставов о благоустройстве в казачьих селениях) по предметам хозяйственного благоустройства (хозяйственность станиц, поземельное довольствие, войсковые доходы и рыболовство) Земля Войска Донского управляется на основании дарованных ему привелегий и особых учреждений. Хозяйственность станиц заключается в правильном и уравнительном распределении поземельных довольствий и угодий и охране их от повреждений и убытков (ст. 3); при чем все распоряжения по этим вопросам зависят от станичного общества непосредственно, а проведение их в жизнь принадлежит станичному правлению.

Станичное о-во в распределении поземельных довольствий и угодий руководствуется основанными на древних обычаях правилами и ни в коем случае их не нарушает.

В отношении поземельного довольствия закон преследует цель прочного благосостояния всех войсковых жителей и каждого из его чинов, для чего предписывает:

1. Нарезать для каждой станицы по числу жителей такое количество земли, которое в сложности составило бы по 30 десятин на душу с особым обмежеванием новых станичных юртов и выселением помещичьих крестьян за черту юртов.

2. Крестьянам, издавна живущим на войсковой земле и в последнее время укрепленным за разными чиновниками Донского Войска, выдать полную узаконенную пропорцию земли, а некоторым даже с превосходством.

3. Обитающим на Дону калмыкам, по уважению отправляемой ими службы на равне с казаками, определить также, по примеру казачьих станиц, просторные и обильные для скотоводства их земли.

4. Равным образом отвести участки для пастбищ рабочего скота промышленников и возчиков соли, для содержания частных конских табунов, для пособия в содержании почтовых лошадей, для артиллерийских лошадей, оставляемых на Дону, для ежегодных смотров и учений эскадронов лейб-гв. казачьего и атам. полков и артиллерийских батарей.

Вся прочая затем войсковая земля, остающаяся свободною, составляет войсковой запас, который предназначается для могущей встретиться надобности в распространении станичных юртов и для надела пожизненными участками чиновников, имеющих на то право на основании сего Устава (ст. 53).

Поместным чиновникам было нарезано удобной земли по 15 десятин на ревизскую душу закрепленных за ними крестьян, владения их были обмежеваны с выдачей им планов и межевых книг; при чем лицам, по желавшим переселить своих крестьян в Миусский и Донецкий округа, разрешено было нарезать там по 20 дес. на ревизскую душу.

Чиновникам, получившим особенные участки, ни в станичных юртах, ни на войсковых землях постоянного и даже временного поселения сторонних лиц ни под каким видом иметь и заводить не дозволяется, а беспоместным чиновникам запрещается селить посторонних лиц на хуторах и в станицах. Кроме того чиновникам, имеющим участки войсковые и проживающим в станицах, дозволяется иметь ограниченное число упряжных лошадей и скот для домашних нужд.

Сады, фруктовые и виноградные, принадлежащие чиновникам в станичных юртах и на землях, вошедших в состав оных, остаются неприкосновенной собственностью нынешних владельцев при полной их свободе разводить оные в юртах на будущее время с тем однако, чтобы места для новых садов назначаемы были приговорами целых станичных обществ на сборах, а занимать их произвольно никому не дозволяется; при чем это право принадлежит только чиновникам, записанным и живущим в станицах. (ст. 148, 149).

Чиновникам строго запрещается без согласия общества заводить в юртах на станичной земле мельницы, винокуренные заводы, фабрики; но уже существующие разрешается оставить на своих местах.

В вознаграждение Войска Донского за то пожертвование землями, которое сделано из общественной его принадлежности в вечную собственность владельцев по числу бывших их крестьян, все чиновники, как первоначально получившие сии земли, ровно наследники их и прочие лица, коим оные достанутся в последствии времен, обязаны вносить в войсковую казну ежегодно по $1^1/_2$ копейки с каждой десятины помянутой земли (ст. 223).

Закон подробно определяет порядок распределения войсковой земли, отвода и утверждения ее на точном основании межевых знаков, ограждающих неприкосновенность каждого владения.

Земля, отведенная для образования станичного юрта, почитается неприкосновенной собственностью общества казаков каждой станицы, кроме некоторых лесов, оставленных в войсковой принадлежности, и не должна выходить из владения общества в чью-либо личную собственность. (ст. 83, 84).

Жители каждой станицы, следуя издавна существующему в Войске обыкновению, всеми отведенными им землями владеют и довольствуются общественно (ст. 86).

Поземельное довольствие станиц заключается в установлении раз навсегда определенной системы пользования юртовой землей, — избранием и назначением одной части юрта под пашню, другой — для сенокоса, а третьей и четвертой, равных между собою, для пастбища, — (одну — для пастбища скота и рабочих лошадей, а другую — для конских табунов и гулевого скота).

Станичному обществу предоставлено право разрешать иметь пашню и при отдельных хуторах, но не в ущерб довольствия плодовых табунов и скота.

Степные и луговые сенокосы при тщательном оных сбережении делятся ежегодно на паи (ст. 91).

Пастбищные места запрещено стеснять какими-либо заведениями в ущерб разведению конных табунов.

Распоряжение юртовыми довольствиями, во всех без из'ятия случаях, принадлежит целым станичным обществам и производится не иначе, как по письменным приговорам на полных сборах.

Распределение паев из общего довольствия производится лично служащим и отставным урядникам и казакам по смерть их. Малолеткам паи отводятся по достижении 17 лет. Вдовам с 1—3 малолетними детьми полагается один пай, с большим числом детей — два пая, пока дети сами не достигнут права получения их. Вдовы без детей имеют право на получение половины пая, а по выходе замуж лишаются прав, присвоенных по состоянию вдовства. Круглые сироты в каждом семействе пользуются одним паем, а сироты женск. пола — половиною пая. Лица духовного звания в сенокосах и лесных паях получают — протоиереи — 4, священники — 2, диаконы $1^1/_2$, псаломщики 1 пай; в пашнях, рыбных ловлях и других выгодах пользуются на общественном станичном праве (ст. ст. 131, 132).

Заведение казачьих хуторов в станичных юртах дозволяется с согласия всего общества, утвержденного письменным приговором его на полном сборе в таких местах, где не могут быть они вредными для общественного довольствия (на свободных местах станичных юртов, только не при лесах, какого бы качества они ни были). От воли станичных обществ зависит определить хуторам пашню и сенокосы, или оставлять оные при одних пастбищах, составляющих главную их потребность. Хутора дозволяется заводить не иначе, как в числе 25 дворов в одном месте.

Лесные угодья по зак. 1835 делятся на леса станичных обществ и лес войсковой. (250.000 десятин войсков. леса и 150.000 дес. станичных).

Довольствие лесами должно быть уравнительное; при чем в употреблении лесов закон предписывает возможную бережливость. —

Розделение хвороста на столько делянок, чтобы вырубленная в настоящем году делянка успела вырасти, когда до нее дойдет очередь.

Строевой и деловой лес расходуются в количестве не больше необходимого на текущие потребности из худшей части леса, в то время как лучшая часть оставляется в заповеди. (Деловой лес — употребляющийся на построение и починки фур, телег, саней и для ремонта сельско-хозяйственных орудий).

Из заповедного леса рубку разрешать только потерпевшим от пожара и вновь обзаводящимся хозяйством — первым сколько надо для восстановления сгоревших построек, а вторым — определенное количество, установленное одинаково для всех станиц.

Раздел всего заповедного леса допускается при переселени станицы, или при перестройке бо́льшей ее части (после пожара). Закон определяет максимальную площадь порубки в $^1/_{15}$, $^1/_{12}$, $^1/_8$ всей площади, в зависимости от отношения всей площади леса к площади станичного юрта. В случае недостатка этой площади разрешается дополнить недостающее количество из войскового лесного запаса.

Станицы, не имеющие крупного леса, обязаны оставлять в заповеди лес мелкий.

Разведение рощ из древесных пород всякого рода (гл. обр. верба и тополь, как наиболее соответствующее климату и почве области) устанавливается законом следующим образом: Урядники, казаки и малолетки, получившие пай, обязаны ежегодно в осеннее время насадить 25 кольев, взятых по указанию станицы из общественного леса, что станичный пристав в декабре сам свидетельствует и доносит Сыскному начальству. Неисполнившего, не лишая пая, заставить насадить за минувший год 50, а за настоящий год 25 кольев. За вторичное неисполнение наказывать телесно при станичном сборе. С 1846 года начались опытные посевы лесных семян в Задонской степи.

Охрана леса производится лесничими, назначаемыми из числа отставных казаков, с зачетом им того за военную службу.

Вопрос внутренней колонизации законом разрешен соединением 12 станиц между собою и переселением 6 станиц на новые места (ст. 54).

Рыболовство в водах, присвоенных Донскому Войску, составляет общее право казаков (ст. 315).

Воды, принадлежащие Войску, заключаются: 1) в реке Доне на всем его протяжении от места, где оный втекает в войсковые пределы и во всех его гирлах или рукавах, посредством коих он вливается в Азовское море; 2) в морском заливе правою его стороною от руковов Дона до границ Таганрогского градоначальства и левою — от тех же рукавов до урочища Семи Балок; 3) во всех реках и речках, протекающих на пространстве войсковых земель; 4) во всех озерах, ериках и протоках, на том же пространстве содержащихся (ст. 316).

Право Войска на рыболовство во всех помянутых водах определяется свободою казаков производить оное не только для своего пропитания, но и для промышленности (ст. 317). Уравнительное пользование каждого войскового обитателя заключается в одинаковом праве каждого производить рыбную ловлю и строить рыбоспетые заводы.

Весною во время разлития вод предоставляется свобода каждому ловить рыбу не только внутри станичного юрта своего, но и по другим местам, где и как дозволяют ему собственные способы и местное удобство; при чем казаки верхних станиц в это время могут ловить рыбу по юртам станиц нижних и наоборот, но когда воды войдут в свои берега, свобода сия прекращается (ст. 322).

Нераздельно живущие семьи могут иметь для рыбной ловли 1 невод, 1 волокушу, 1 зимнюю сежу. Мелкими снастями (бредни, малые сети, малые вентери) разрешается ловля рыбы без всякого ограничения. Ловля неводами, волокушами, зимними сежами и большими зимними вентерями, кроме весеннего времени, согласно ст. 322, принадлежит только тем станицам, в юртах коих оная производится (ст. 326). Неводы и волокуши действуют в определенных местах называемых тонями; между станицами соблюдается строгая очередь в употреблении указанных снастей путем жребия между отдельными ватагами.

Во время хода сельдей весною, особенно по Мертвому Донцу, дозволяется употребление издревле введенной для их ловли снасти, оседледная волокуша назы-

ваемой, с условием прекращения действий этой волокуши после прекращения хода сельдей.

С целью получения обильного рыбного довольствия, как в пределах Войска Донского, так и вне оного законом установлены следующие запретные воды, навсегда свободные от всякой рыболовной снасти: 1) все места Азовского залива, примыкающие к территории Войска Донского; 2) все рукава р. Дона; 3) самый Дон до урочища Посольского Ерика, находящегося в юрте Елисаветовской станицы; 4) Форватер р. Дона на 30 саженей (р. Донца — на 15 саженей) в поперечнике на всем его протяжении.

Плавенные сети, как не препятствующие свободному ходу рыбы, могут действовать от урочища Посольского Ерика до урочища — Мокрая Каланча, с ограничением длины этих снастей до 15 сажен. Распорные сети, как вредящие свободному ходу рыбы, употреблять не разрешается.

Все реки, речки, ерики, протоки, озера, имеющие рыбу, суть собственность тех станиц, через юрты коих они протекают, или в чьих юртах они находятся, за исключением вод, необходимых для удовлетворения потребности в рыбе г. Новочеркасска и расположенных между г. Новочеркасском и станицами Аксайской, Старо-Черкасской, Кривянской, Бесергеневской, Багаевской, Манычской.

Станичным обществам принадлежит право распоряжаться рыбою по хозяйственному своему усмотрению, утвержденному на станичных сборах общественными приговорками.

В Азовском море как жители войсковые, так и все прочие могут свободно производить рыбную ловлю снастями, законом дозволенными. (Согласно Указа Прав. Сената от 20 февр. 1819 года дозволенными снастями считаются большие вентири, невода, приволоки, плавни и плавенные сети; к числу запрещенных относятся перегородки, забойки, перебойки или перетяжки, в особенности же крючки, известные под названием бальберочные, кусковые, наживные снасти, препятствующие свободному ходу рыбы в реке, а потому с давних времен запрещенные под смертным страхом).

Невода для р. Дона разрешаются до 80-100 саж. длины по нижней посадке, волокуши — 50-60 саж., плавни 30-40 саж., а очки в этих снастях должны быть не менее 2-5 вершк. (кроме середины невода, приводами называемой и простирающейся по 10 саж. в обе стороны от мотни, где могут быть 1·5 верш.).

Рыбоспетыми заводами называются места где рыба солением, сушением и проветриванием приготовляется в прок.

Каждая семья имеет право иметь один рыбоспетый завод, для постройки которого необходимо предварительное об'явление станичному правлению, которое по осмотре места дает разрешение, или отказывает в постройке путем общественного приговора. В интересах гигиены запрещается строить рыбоспетые заводы внутри станицы.

Законом установлены специальные команды полиции по охране рыболовства.

■■■■■■■■■■■■

М. Мухин.

Настоящее украинской литературы*).

Молодые поэты.

I.

Панфутуристы, „Гарт“, плуг, неореалисты и неоклассики с неоромантиками — пять основных группировок писателей Советской Украины.

Глава панфутуристов Семенко, основатель футуризма на Украине, открывший эту эру в 1913 г. Весьма работоспособен, намеренно и надуманно дерзок, но для футуриста фатально не динамичен, мертвенно статичен. В 1921 г. создал „Ассоціяцію панфутуристів“, в программном сборнике коей „Катафалк мистецтва“, провозглашались лозунги деструкции искусства и об'являлась война всем, всем, всем, в том числе и пролетарским литературным течениям. В творчестве Гео Шкурунія, неизменного спутника Семенко, тоже довольно дешевом, есть много настоящей злости.

„Плуг“ и „Гарт“ об'единения писателей, меченных оффициальным советским штампом. И сверхмерно много: в СССР благонамеренная графомания весьма поощряется. В рядах этих двух об'единений есть два бесспорно талантливых поэта — Тичина и Сосюра.

Тичина с легкой руки советского критика Лейтеса носит пышный титул поэт украинского ренессанса. После вручения Тичине лаврового венка от благодарной РКП, он может считаться „высочайше“ утвержденным в этом высоком звании. В действительности (и в этом настоящая причина фимиамов, чинов и отличий, выпавших на долю поэта) сегодня Тичина — поэт национального, мягко выражаясь, пораженчества. Правда, он не сразу выступил в этой низкой роли. „Соняшні Кларнети“ (1918) и „Плуг“ (1920) были полны национального порыва, но уже в „Замісць сонетів і октав“ поэт устало спросил себя „не поцеловать ли и мне туфлю папы?“ Нам, современникам, пришлось быть свидетелями редкого в истории зрелища: падения поэта ниц пред чужеземными поработителями страны.

Страна, под бременем обид,
Под игом наглого насилья,
Как ангел опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.
Безмолствует народный гений
И голоса не подает.
Не в силах сбросить ига лени
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне ренегате
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлет отец врагу проклятье,
Ведь старым нечего терять.
А сын... он позабыл отчизну,
Он жадно пьет с врагом вино.
И ветер ломится в окно
Взывая к совести и жизни.

(А. Блок — „Возмездие“).

Итальянскому поэту конца позапрошлого столетия, Витторио Альфиери, страстному патриоту и свидетелю наибольших унижений своей родины, пришлось однажды в молодости видеть сквозь решетку шенбруннского парка, как Метастазио, наиболее выдающийся итальянский поэт того времени и кумир Альфиери, подобострастно, припав на одно колено, целует руки Марии Терезии, выходящей из кареты. Для Альфиери придворные жесты Метастазио были символом национального унижения Италии перед Австрией. Теперь так же воспринята была капитуляция украинского поэта перед харьковскими приказчиками московского коммунизма.

Не для всех ясен вопрос о поэтической родословной Тичины. Д. С. Мирский (Святополк) — в англий-

*) От редакции. Помещая настоящий очерк, редакция „В. К.“ и в будущем, поскольку, конечно, позволит место будет знакомить своих читателей с нашими соседями или с настоящими, как и возможными будущими союзниками Казачества. Мы думаем, что Казачеству надо знать, с кем придется иметь дело. И в этом отношении важны для нас не только политические и государственные идеалы близких нам народов (этому вопросу мы посвящаем и будем посвящать, конечно, повышенное внимание), но интересен вообще духовный „багаж“ того или иного из них, — одинаково культурный, религиозный или еще какой.

Если нужно хорошо знать своего противника, то еще более важно познать своего союзника.

ском журнале «Quarterly Review»*) прошелся по адресу Тичины весьма хлесткой фразой, по смыслу которой Тичина — украинское отображение не то Блока, не то Есенина. Привычка все пригонять к шаблонам русской действительности сказалась в этом суждении. Напрасно потревожил Мирский тени Есенина и Блока, с которыми у Тичины вряд ли найдется что-либо общее. Единственно с кем можно сблизить Тичину, правда, совсем не в порядке генеалогии, а всего лишь только аналогии и притом аналогии биографической, так это с Эренбургом, не менее чем Тичина впечатлительным коммивояжером в революции.

Сосюра (р. 1898) очень одаренный, слегка монотонный лирик. Четыре года, проведенные им на войне, сначала в рядах украинской армии, а потом в красной, дали ему темы и настроения, за пределы которых ему трудно выходить без риска для себя. По своему он очень не плохо передает стиль и настроение 1918 — 1920 г. г.:

Ой, гули над сумними ланами
Невблаганні удари гармат.

Или хотя бы такая строфа:

Повстанці, повстанці, повстанці,
Червоні повстанці в тилу.
Гарматні удари по станції
Од станції по селу.

Киевская группа неоклассиков возглавляется Зеровым (р. 1890), поэтом-филологом (Антологія римской поэзии, 1920; „Камена", 1924). Его переводы латинских поэтов точны и звучны. Кроме Филиповича, к неоклассикам можно отнести Освальда Буркгардта и Максима Рыльского.

Классицизм Рыльского (р. 1895) не прием, не стилизация, а природная, органическая особенность. Легкость и грация речи и стиха, непринужденность изложения в поэмах — его отличительные черты. Сборник „Синя далечінь" был встречен советской критикой ревом ругательств.

Рыльскому близка романтика средневековья. Перед нами отрывок из „Стародавнього раману" — отвергнутое ухаживанье синьора, обрамленное фоном готической охоты.

„Пані! В гаях поспівають каштани,
Бродить кабан у пожовклих кущах,
Міст переїхали чорні цигани,
Діти у бруді, жінки в дукачах.
Пси мої чують ревіння ведмедя,
Рвуться і плачуть. Залився мій ріг.
Прощайте, мілєді!"
У відповідь сміх.
Слуги, вірні слуги, чи не буде туги?
Раз я уклонився, уклонився вдруге
І махнув рукою й мислі переміг.
Трубить ріг.
Не спіткнися, коню! Серце не в полоні,
Розвіває вітер опанчі червоні.
Хтось по лісі в-третє, в-третє перебіг.
Трубить ріг.

(М. Рильський — „Стародавній роман).

Василь Чумак (1900 — 1919), на девятнадцатом году жизни расстрелянный деникинцами, оставил всего несколько десятков стихотворений, поразительных своей юной, ранне-утренней свежестью, газельей легкостью стиха и законченностью совершенной композиции. В могилу с ним ушло одно из дарований, нисходящих в мир раз в столетия. Русские пули сделали свое русское дело. Двумя месяцами раньше Чумака погиб от тех же деникинцев Кобылянский (1895—1919), подававший, по отзывам компетентных критиков, крупные надежды.

В последнее время стал очень выделяться Марко Антіох (род. 1904) почти лишенный возможности печататься на советской Украине. Стихи его отличаются глубиной и напряженностью чувства и выпуклой пластикой своих — в большинстве случаев — чисто барокковых форм. Приведу один из его сонетов.

Моя отчизно! Знаю я, тобі
Судилась крізь війну в віках дорога.
Ти Бога бачила, такого Бога,
Що віти опустилися в журбі.

Ще колії татарської гарби
Лишилися і з полумя грізного
Не вийшла ти. Бо он ще відблиск його,
Поглянь, горить на степовім горбі.

Так, од могил земля наша горбата...
О, проклинаю всіх, хто єсть Батий!
На переможцях скрізь печать проклята.

Он на бурхливім нибі знак страшний.
То кровю з хлар напухнув хрест гігантський
Не вийти з бід країні цій селянській.

К творчеству Антіоха близко творчество Лади Могилянской, тоже гонимой советской цензурой. У грани запрета острое и чисто философское творчество Е. Плужника, слишком динамическое и жизненное в своей сосредоточенной энергичной нервности для мертвенно-бюрократической советской государственности.

Перейдем к поэтам Западной Украины. Литературная молодежь во Львове кажется совершенно не затронутой ни войнами, ни революцией. **Die schöne Tagen von traujnez**, — старое, хорошее, до-военное литературное житье-бытье невозмутимо длится на галицийском Парнассе.

Теперь об эмигрантах.

Юрій Липа. (род. в 1898 г. в Ялте); сборник стихов „Світлість" (1925) и многочисленные драматические этюды в стихах: „Бенкет", „Карнавал", „Офіра", „Вербунок", и др. Его творчество отмечено печатью героической рыцарственности. Его кованный стих полон металла, предельно сжат и мужественно хорош в своей суровости.

Вот вступление к поэме „Князь полонений":

Господь міцним мене створив
І душу дав нерозділиму.
Відчув я шум весенних нив:
„Звіляни вівтар Єрусалиму".
Лунало в палацах як ріг
„Град Божий визволь од полону, —
Там, на розтоці всіх доріг
Земля прикраситься в корону".
Де стану Божі віставці
Кладуть у душу слово Боже,
І берло у моїй руці
Зказало далечі ворожі.

Вот „1917 рік", звучащий как отрывистый и властный воинский приказ:

Разстріляного закопати,
Над ним ридатиме ще мати
І проговорить пан-отець.
А вы, що сталы тут довкола,
Шапки здійняти, нижче чола!
Спи брате. Кроком руш!

Ему органически родственна героика романско-готического средневековья. Мистика его средневековых композиций напоминает своей непосредственной подлинностью мистический фатализм произведений готической этохи („**Miracle de loup**", а в графике „**Livre d'heures du duc de Berry**"):

Час людини як вовк утікає,
Він біжить безупинно, кульгавий,
А попереду муки безкраї;
Сотворитель — у славі.
Час людини рида від утоми,
Час людини загине, загине,
А попереду Божії громи,
А за громами царство незмінне.
Час людини рида в неспокою,
Він россиплеться порохом сірим.
Ось приходить, ясною стопою
Новотворчий над миром.

Нередко суровая простота у него сменяется нарбутовской, почти восточной пышностью, в венецианском „Карнавале", или хотя бы в „Полтаве";

*) 1923, **April.**

О, чашо ніжности, безсмертная Полтаво,
О, чашо радостів, зеленострунна пісне,
Ти — скерцо фарб, як пестощі первісні,
Ти — променіста, прадідівська славо.
Гаї, гаї твої біжать у співнім танці,
І в селах вітер славить — шелевіє
Твоїх дівчат виспівливі сапянце
І погляд усміхнений і загнуті вії.
Се в тебе — лиця прості і зміїні,
І сила кутая і погляди нехмурі,
Се в тебе, вповній переситом княгині
Гимн розкоші, одвазі і натурі.

В драматических произведениях Юрія Липы замечательна мошь пышной и властной трагической речи. Его прозаические пробы („Черниця", „Діаріуш") почти всегда реконструкции старинного стиля и языка XVI и XVII столетий.

Евген Маланюк (род. 1897 на Херсонщине), сборники стихов „Стилет і Стилос", 1925; „Гербарій", 1926; поэма „Посланіє", 1926. Лирика Маланюка, напряженная и мощная, предпочитает историософские темы. В концепции Маланюка Украина, (как у Гердера) — припонтийская Эллада, — должна стать степным Римом. Как никто до него, Маланюк умеет передать тяжкое великолепие насыщенного украинского пейзажа, пронизанного порывами ветров:

Ще кличе половецьким свистом
Степів жорстока широчінь,
Де кров текла вогнем барвистим,
Вогнисто брязкали мечі.
Конем татарським рветься вітер
Схопитись гриви! Зтиснуть спис!
А жито копитами збито
У чистім полі, як колись.

Пышность украинского пейзажа сквозь все исторические эпохи использовано Маланюком в „Варяжской балладе":

Гарячий день розлив пекуче злото
І сам втопився у сонячнім меду,
И крізь спокій цей єдина ллється нота
Блаженних бжіл в вишневому саду
Лиш черними очима хитрих вікон
Всміхнуться молодицями хати
І знову степ пестрить мої повіки
І знову скитські баби і хрести.
Лиш мов крізь сон майбуть крилаті вії
І ніж очей з під пявок гострих брів, —
І знову степ... лиш де-не-де замріє
Архипелаг поснулих хуторів.
І далі, там де беріг Кіммерії
Підніс коринтські обриси колонн
Де Херсонес замріяно біліє
І снить соладкий, вічний, синій сон,
Де камянисті межі скитських прерій
Врізаються в козацький буйний Понт
Причалом ґенуенських кондотерів
Кінцем твоїх бурхливих перепон...
От так лежиш замріяно — розкішна,
Солодкий сон од Дону до Карпат...

Воинствующая, козацко-гайдамацкая Муза Маланюка понуждает его к признанию:

Душа які ще бурі виявить,
Коли повторює весь час:
„Не любо жить мені у Київі,
Не обновляючи меча".

Тем же воинственным заветам Святослава верен Маланюк и в критике, упорно ополчаясь на пацифистско-украинофильских кумиров, выступая против вульгаризации и „сентиментализации" Шевченка и Франка народнической критикой и с точностью опытного хирурга вскрывая „шельменко-деньщицкую" сущность и „москаль-чарівницькі" задания харьковской советской литературы.

Участник всей украинско-русской войны, Маланюк сурово-мужественно вспоминает в стихах памяти Головного Отамана Симона Петлюры об отходе украинской армии с окровавленных полей Украины перед ордами большевицко-бабелевской и почти библейской „конармии" в ноябре 1920 г.:

Лиш вслухаючись в шуми земні,
Як одбой виграва сурмач,
Гамувала пречиста Марія
Свій нестримний жіночий плач.
Розтремтілі простори гойдались
І хилилися кроком у такт,
І летіла горбата далеч
Від хреста — і — до хреста.
Там де Захід зіяв як брама
До відвічних пробатьківщин,
Над ненімщеними полями
Ще гремів нам залізний чин.

Очень волевое дарование у Леонида Мосендза, поэта фаустовских тем. Четкой напряженностью отличается и его проза. Вот несколько строк из одного из его посвящений:

І вождь глядить спокійним оком
На міць незірваних ще пут;
Здій має вгору меч високо
І мовчки слухає салют.
Та лише ніч в таборі шатер
Почне міняти черги чат
Зникає вождь і імператор
І денні відгуки мовчать.
Від миготливої лямпади
Паде на стіл мінливий діск,
І стиль вкарбовує принади
Силляб в покірний думам віск.
„Стилет, чи стилос? Сумнів знову:
Чи віск мякий чи синя сталь?.."
А за шатром на поготові
Стоїть не здолана печаль.

Стефанович (р. 1900, на Волині) до самого последнего времени, казалось, отвергал „синюю сталь", что не мешало ему быть и очень точным в своем ритме и очень зорким в образах:

В ґанку наче вибухли із бутлів вина —
Стільки пахощів по саду розлилось,
Аж до крови за вікном рябину
Зацілює мороз.

Стефанович тоже склонен к обработке исторических тем, но, в отличие от Маланюка, предпочитает биографические темы. Очень удачна конечная строфа его „Гетьмана Дорошенка":

Та може й вийшло б щось; соколю — вовче,
Як бы не налягло на тебе десь
Волоколамського повіту Ярополче
Брудною стелею своїх небес.

Юрій Дараган (1893—1926) поэт строгого и четкого рисунка. В 1925 г. вышел сборник его стихов „Сагайдак". Интересна его поэма „Мазепа", из которой приведу отрывок — письмо двух полковников Гетману, требующих выступления против Москвы:

„Яко ми за душу Богдана
Молим Бога і славим його,
Що Вкраїні загоював рани,
Знищив, скинув лядське ярмо,
Так, противно, — самі і нащадкам
Перекажемо кляти тебе,
Як не звільниш сплюндровану матір
З під московського іга тепер.
Очі всіх на тя уповають,
Хай пильнує життя твоє Біг,
І благаєм, щоб волю для краю
Він здобути тобі допоміг,
Бо неволі, знущення вже доста,
Закипає у серцеві кров.
Миргородський полковник Данило Апостол
І прилуцький — Горленко Дмитро".

Заканчивая этот беглый обзор украинской поэзии молодых, на Украине и в рассеянии сущих, скажу кратко, что в сравнении с предшествующими годами лирический пульс — не смотря на отсутствие свободы печати на Сов. Украине, все же бьется живей. Но только эмигранты могли осуществить стремление Украины к тому, —

Чтоб Михаил, а не Меркурий
Вознес золотоносный рост,
Соперничающий в лазури
С востоками софийских звезд.
(Бенедикт Лившиц — „Киев").

И в этом поэты-эмигранты много успели, не смотря на поразительную анти-литературность эмиграции и полное равнодушие к поэтам диаспоры на Западной Украине, жадно ловящей только дуновения восточных ветров.

Печать о Вольном Казачестве.

Какой то трусишка, скрывшийся под вымышленным именем В. Дьяконова, в последнем номере (30-31, от 31 мая с. г.) „Пути Казачества" очень „храбро" кричит нам „Долой маску". Не прячьтесь, господа Харламовы, Васильевы и прочие Дьяконовы за перегородку, не подсматривайте в щелочку, выйдите на свет Божий, чтобы и на ваше лицо публика посмотрела (мы то его знаем наизусть), — а тогда будем разговаривать. Вам-ли бросать в наш адрес „маску долой"? Можно-ли говорить прямее, откровеннее, честнее о своих идеалах, чем это делаем мы? Нет, господа, этот номер не пройдет. Наши и ваши читатели прекрасно разберут сами, где „маски". Мы и выигрываем своей ясностью и определенностью; „В. К." имеет мужество называть вещи своими собственными именами и ни за что не прятаться. Наше забрало поднято. А вы вот сами за свою пачкотню стыдитесь и за псевдонимы прячетесь. Мы, конечно, понимаем, почему вы так делаете. Одно дело, если казак, прочтя всю написанную вами чепуху, увидит под ней и ваше собственное имя, — беспременно подумает: а еще был донским министром... Другое дело — В. Дьяконов. Тут только скажет: ну что с какого то Дьяконова возьмешь? — должно „зачинающий" какой, аль дурень...

В самом деле, где же логика? — В одном месте, в наш адрес бросается: „Они (т. е. мы) упорно цепляются за конституции казачьих Земель"... (а разве это плохо?), а в другом месте сам г. Дьяконов утверждает, что „Слава Богу, вся казачья масса (за исключением ничтожного числа реакционно-правых казачьих элементов Красновско-Граббе-Филимоновского толка) крепко держится своих конституций"... Выходит, значит, что не только мы, но и все казачество крепко держится за свои Конституции. Мы думаем, что внимательные читатели „П. К." сами поправят некоторую неточность выражения „Красновско-Граббе-Филимоновского" и будут читать исправнее: „Красновско-Граббе-Филимоновско-Васильево-Дьяконовского толка".

„Подлинной природы" своей не только не стараемся затушевать, а наоборот, хотим как можно ярче и выпуклее в каждом номере „В. К." выявить. Делали это, делаем и будем делать. Пусть сами читатели судят, по скольку это нам удается. Если кто не верит писанному, а умеет читать в сердцах, — пусть читает, мы этого не боимся, но смеем уверить, что г. Дьяконов не умеет читать в сердцах, хотя и очень старается, а потому... бессовестно „сочиняет".

Не подделываемся мы и под настроение рядовой казачьей массы, как „утверждает" г. Дьяконов. Нам этого не нужно делать, т. к. мы сами плоть от плоти и кость от кости этой массы. Из настроений Казачества мы творим его идеологию.

Меньше всего „затушевываем" мы и истинную свою цель. Подчеркиваем ее из номера в номер, где только можем. И будем это делать. Если этого г. Дьяконову недостаточно и он все же ухитряется (нужно это ему!) перекручивать, то и пусть себе „крутит" на здоровье: вреда от этого нам никакого, а пользы „П. К." от такого метода борьбы с „В. К." и того меньше.

За откровенность в вопросе о красной армии мы можем быть только благодарными. Идите вы, господа, с Керенскими, Милюковыми, Деникиными и др., а нам уж разрешите идти своей дорогой. Один раз вы уже водили Казачество с ними. Для другого раза хватит вас одних.

В одном „уменьи" нельзя отказать г. г. Дьяконовым из „П. К.", — в ловкости рук. Жонглеры они действительно прекрасные. Умеют „сдать" на что хочешь, подтасовать как, где и в какой момент нужно. Самостийники согласно „П. К." и предатели, и „агенты внешних сил", и... а сами они, конечно, „паиньки", они ориентируются только на „внутренние силы русского народа и казачества", но... не отрицают и „помощи извне". Больше того, продолжает г. Дьяконов, „мы думаем, что без нее русскому народу и Казачеству в борьбе с сов. властью и впредь не обойтись"... только видите-ли, Дьяконовы допускают ее в результате „соглашения сторон на условиях взаимной выгоды, а не в результате одностороннего навязывания ее извне"... Последнее (одностороннее навязывание") относится, очевидно, по Дьяконову к самостийникам. Если бы у г. г. Дьяконовых было хотя немного чести, мы бы спросили их: по какому праву вы это утверждаете? — Вы просто бессовестно лжете, господа. На то мы и самостийники, чтобы бороться против всякого „одностороннего навязывания", откуда бы оно ни исходило.

„Самостийники предложили свои услуги казачьим атаманам", но Атаманы, в лице А. Богаевского, деликатно показали им на дверь", — так очень развязно утверждает г. Дьяконов. А сам ген. А. П. Богаевский на собеседовании с казаками в Белграде 3 сего июня вот что сказал по этому вопросу: „ген. Быкадоров был у нас в Париже. Мы разговаривали по этому вопросу. Мы (т. е. атаманы) смотрели на эту организацию (т. е. на В. К.) как на слабую, не имеющую никакого значения и обещали поэтому на нее не нападать. Но впоследствии увидели, что эта организация принимает более широкие размеры... поэтому мы будем с ней бороться"... — Оказывается, что и здесь г. Дьяконов „просчитал".

На клиросе бы вам петь, г. г. Дьяконовы, а не политикой заниматься.

Не оставила нас своим вниманием и Ленинградская „Красная газета" (вечерний выпуск, 21 мая, с. г.).

Конечно — ирония:

„Вольное Казачество" пробует создать особую казачью народность, вскрыть и выявить и даже исторически обосновать существование исконного национального казачьего движения"...

„Иронизирует" товарищ, г. Гайк Адонц.

Думы и мысли казачьи.

Взгляд со стороны.

В настоящий горячий момент выяснения подлинного лица казака, его надежд и стремлений, когда на карту поставлена жизнь всего казачества — спорить о способах ликвидации опасности и ничего не делать, было бы „злым и неуместным делом".

Но к сожалению, вместо того чтобы воспользоваться богатейшим материалом последнего периода жизни казачества и набросать правильную, не шаткую фигуру казака, вполне устойчивую колебаниям политической атмосферы; определить кривую болезни казачьей души; окончательно подсчитать силы и сделать верную оценку будущей роли Казачества в составе семьи народов

бывшей Российской империи — вместо всего этого казачьи „менторы“ по различным причинам изощряются в ловкости метания сетей на свободу и правду возрождающегося казачества. Собственными руками, во имя „спасения родины“, по старому способу стараются убить зародыш казачьего движения...

Не увлекаясь историческим прошлым, которое требует еще тщательной отшлифовки и для большинства покрыто мраком недоступности, при самом поверхностном взгляде на казачью жизнь, сами собой отпадают „убедительные“ доводы казачьих мыслителей и оголяют подлинную истину: общение казачества с русским народом, сожительство с ним под одной государственной крышей с общей чашкой, хлебом и солью, — обезличило, превратило вольного казака как-бы в приживальщика России, благосостояние которого стало зависеть от каприза случайнх людей.

Это прискорбное явление можно об'яснить тем, что казачество в период своего государственного строительства, в силу исторических обстоятельств, под перекрестным огнем турок, татар и русских, не успев ясно очертать свои границы, подпало под влияние Московского государства.

Преобладание славянской крови, язык и вера были главными источниками этого сближения, приведшего впоследствии к закрепощению Казачьих земель.

Казачьи курени очутились как бы на чужой земле. Свыше чем двухсотлетний период неограниченного хозяйничанья русской власти успел, до некоторой степени, изгладить не только представление о территории казаков, но и понятие о казачьем праве вообще.

Революция 17-го г. разрушила устои старой России, развалила искусственную спайку народов Российской Империи. Казачество, чудом уцелевшее в этой катастрофе, слегка пошатнувшись, сбросив свой долголетний сон, неожидано для всех, руководясь только инстинктом, готово было на подвиг по пути к самостоятельности.

Многовековая спайка с Россией не прошла бесследно. Искусным маневром казачьих верхов, пыл казачества был нормирован временным образованием казачьих республик. Получилась неточность и неясность цели назревшей борьбы с Россией Керенского и большевиков, положившее начало казачьему нейтралитету. Связь с кадетской партией докончила дело, совершенно убила в начале возможность поддержки казаками казачьего правительства, в свою очередь разочаровавшегося после московского совещания в государственной мудрости русского народа.

Позднее казачество в союзе с немцами и Украиной снова боролось за себя и свой родной угол. И если не отстояло своей территории, то лишь благодаря преступной ошибке вождей, повернувших курс на „единую неделимую“ с генералом Деникиным во главе, вовлекшего их в войну с Грузией и Украиной и не только не создавших во время Юго-Восточного Союза, но даже организаций, подобных об'единенному совету Д. К. и Т.

Произошло умышленное расцепление Казачьих Войск и их соседей, с которыми большевики расправлялись по частям. Об'единенными силами Юго-Востока можно было, если не ликвидировать большевиков, то принудить их к миру, как это сделала Польша, опираясь на Францию.

„В единении сила.“

К сожалению казачество, имея у себя ценные вклады этой истины, медленно подвигается к ее осуществлению.

Вполне понятно, казачья интеллигенция (дворянство) на протяжении веков, составляя прочное звено России с Казачеством, — в общей разрухе потеряло тепленькое место и до настоящих дней не пришло в себя, находится в состоянии незаконченного брожения.

Такое ненормальное и неопределеннное положение долго, конечно, продолжится не может. Оставаясь почти без связи с какой-либо из русских партий, она принуждена была подавляющим большинством не признать национального Вождя, не итти на зарубежный с'езд, предоставив русской эмиграции самой разбираться в планах Российского государства; считать себя не в праве вмешиваться в общерусские дела...

Становясь так или иначе на эту точку, старая интеллигенция незаметно для себя постепенно приближается к самостийности.

Ставка на русского мужика и утверждение, что партии и общественные единицы, являющиеся выразительницами мнений известных групп и классов народа, не представляют народ, и что будущая Российская власть построится по воле народа, а не по воле какой-либо из сильных партий — есть наивная детская попытка отстраниться от навязчивого инстинкта самоопределения. Отгораживаясь от России во время войны с большевиками, руководители и не заметили, что, борясь за право быть казаком с своей территорией и властью, Казачество выдержало тем самым экзамен на право признания в нем государсувенности вообще. Это казачье стремление к обособленности нельзя рассматривать, как осуществление искусственно начертанной программы.

Казачья самостийность есть достояние целого народа, — естественный шаг народа, почувствовавшего в себе силы к государственному образованию. Казачья самостийность индивидуальная, общественная и государственная существовала и существует, не вылившись еще в ярко определенные формы. Можно говорить о степени проявления самостийности, о причинах ее роста, спорить об отсутствии руссофильства среди казачества, пропагандировать пользу союза народов бывшей Российской империи, но убивать и замалчивать что диктуется самой жизнью — значит пытаться остановить историю. Нападки некоторых казаков на самостийное движение молодежи, страдавшей и вынесшей на своих плечах революционный период, воочию убедившейся в „ласках“ матери России, — надо рассматривать как продукт их личных интересов, перед которыми для них меркнут страдания и горе казачества.

Символизация казачества на обложке журнала „Путь Казачества“, с пикой на перевес защищающего спокойно восседающую Российскую республику без признаков участия русского народа, не что иное, как тоска по „барину“ с его милостью. Как было, так и есть. Чем эта обязанность почетнее и безопаснее, нежели жить у себя, заниматься своим делом и по соседски, если представится возможность, помогать обессиленной гражданской войной и общей разрухой сестре России, которая возродится, надо полагать, гораздо позже, чем того можно ожидать среди казачества. Ошибочно думать, что Казачество могло и должно самостоятельно бороться с Россией против большевиков и обязано смиренно склонять свои знамена республике меньшевиков или эсеров, что вопросы о власти, финансах, налогах, промышленности, союзах и пр., вселяющие чиновничий страх некоторым почетным казакам — могут заставить Казачество отказаться от самого себя.

Десятилетняя пытка над его телом на глазах подрастающего поколения не только не убила сопротивляемость, но, наоборот, породила настойчивое стремление воспринимать и изучать причины и следствия великорусского варварства.

Рассеянная по всему свету, полная сил и здоровья, бесхитростная и бескорыстная молодежь, соприкасаясь с западной культурой, черпает знание и опыт для дальнейшего пути казачества.

Не жалея энергии и труда закладывает фундамент будущей казачьй интеллигенции, подготовляет почву для приспособления казачества к условиям настоящего века. Казачество не может подвергать себя случайности, надеясь на русское „авось“!

Будущее зависит от подготовки себя. Не в самоистязании должны расходовать свои силы, а в стремлении, для блага Родины, быть одним целым, с ясно выраженной волей и определенным желанием.

Казачество не должно стыдиться показать свои раны, ушибы и больные места, нанесенные „матушкой“ Россией и просить, если не лекарства, так хотя-бы не растравливать их.

Намерения казачества безусловно миролюбивы и как таковые надлежаще должны быть оценены ее соседом. Миролюбие казачества, однако, не может позволить России топтать его права, превратить в тряпку

честь и гордость народа и подвергать опасности территориальную целость казачьих республик.

Если, „паче чаяния", будущая Россия станет игрушкой в руках ура-патриотов, с которой они, ослепленные шовинистической страстью, недооценив опасность, бросятся вниз головой, то, видит Бог, не исключается возможность свернуть себе шею о гранитные скалы Юго-Восточного народа.

Это не запугивание, а напоминание фактов, что только фатальное, граничащее с угодничеством, стремление казачьих верхов к России — спасало ее неоднократно от „неприятности" быть оказаченной еще во времена Разина и Пугачева.

Будущее взаимоотношение с Россией будет зависеть от нее самой, как это справедливо указано в 1-ом номере журнала „Вольное Казачество."

Сопоставляя жизнь казака на родине, его неприязненное отношение к чуждому, пришлому элементу из центра России, его героическую борьбу и муки за освобождение своих Краев — с зарубежной массой казачества, достойно отсиживающейся в союзах, хуторах, станицах, рабочих группах и пр. назойливой атаки русской эмиграции — можно заключить, что казачество невероятными жертвами и страданиями окупает свои ошибки, с наростающим упорством стремится разжать цепкие руки русской опеки, господство которой на протяжении нескольких веков набрасывает мрачную тень на целую историю казачьего народа. Россия с ее безобразной революцией, надо думать, в последний раз опустилась на голову Казачеству, надо надеяться, что недалек тот день, когда Казачество начнет свой золотой период.

Казак **И. Манацков.**

(Болгария).

Казачья старина.

Казнь Степана Разина*).

(6 июня 1671 г.)

„4 июня распространилась в Москве весть, что везут Стеньку. Толпы народа посыпали за город смотреть на чудовище, которого имя столько времени не сходило с уст всего русского люда. Стенька был одет в свое богатое платье, — но перед Москвой с него сняли его и одели в лохмотья. Из Москвы привезли большую телегу с виселицей. Стеньку поставили на телегу и привязали цепью за шею к перекладине виселицы, а руки и ноги прикрепили цепями к телеге. За телегой должен был бежать, как собака, Фролка, привязанный цепью за шею к окраине телеги.

В такой триумфальной колеснице в'ехал атаман воровских казаков**) в столицу Московского государя, у которого он грозил сжечь дела. Он следовал с хладнокровным видом, опустив глаза, как бы стараясь, чтоб никто не прочитал, что́ у него было на душе. Одни смотрели на него с ненавистью, другие — с состраданьем. Без сомнения, были еще такие, что желали бы иного в'езда этому человеку, бывшему столько времени идолом черни.

Их прямо привезли в земский Приказ, и тотчас начали допрос.

Стенька молчал.

Его повели к пытке. Первая пытка был кнут — толстая ременная полоса в палец толщиною и в пять локтей длиною. Преступнику связывали руки и поднимали вверх, потом связывали ремнем ноги; палач садился на ремень и вытягивал тело так, что руки выходили из суставов и становились вровень с головою, а другой палач бил по спине кнутом. Тело вздувалось, лопалось, открывались язвы, как от ножа. Уже Стенька получил таких ударов около сотни, и уж, конечно, палач не оказывал сострадания к такому подсудному. Но Стенька не испустил стона. Все стоявшие около него дивились.

Тогда ему связали руки и ноги, продели сквозь них бревно и положили на горящие угли. Стенька молчал.

Ему дали роздых. Принялись за Фролку. Более слабый, он начал испускать крики и вопли от боли.

— Экая ты баба! — сказал Стенька. — Вспомни наше прежнее житье; долго мы прожили со славой; повелевали тысячами людей: надобно теперь бодро переносить и несчастье. Что, это разве больно? Словно баба уколола!

Стеньку принялись пытать еще одним родом мучений. Ему обрили макушку и оставили виски. Вот как! — сказал Стенька брату: — Слыхали мы, что в попы ученых людей ставят, а мы, брат, с тобой простаки, а и нас постригли.

Ему начали лить на макушку по капле холодной воды. Это было мучение, против которого никто не мог устоять; самые твердые натуры теряли присутствие духа. Стенька вытерпел и эту муку, и не произнес ни одного стона.

Все тело его представляло безобразную багровую массу волдырей. С досады, что его ничто не донимало, начали Стеньку колотить со всего размаха по ногам. Молчал Стенька. Перенесши все страданья, не высказав ни одного слова, Стенька не мог быть обвинен собственным сознанием (говорит современник — **„Stephan Razin"**).

Предание говорит, что, сидя в темнице и дожидаясь последних смертных мучений, Стенька сложил песню и теперь повсюду известную, где он, как бы в знамение своей славы, завещает похоронить себя на распутьи трех дорог.

„Схороните меня, братцы, между трех дорог"...

6 июня его вывели на лобное место вместе с братом. Множество народу стеклось на кровавое зрелище. Прочитали длинный приговор.

Стенька слушал спокойно, с гордым видом. По окончании чтения палач взял его под руки.

Его положили между двух досок. Палач отрубил ему сначала правую руку по локоть, потом левую ногу по колено. Стенька при этих страданьях не издал ни одного стона, не показал знака, что чувствует боль. Он (говорит современник — **„Stephan Razin"** 29) как будто хотел показать народу, что мстит гордым молчанием за свои муки, за которые уже не в силах отомстить оружием. Ужасное зрелище истязаний над братом окончательно лишило последнего мужества Фролку, видевшего то, что ожидало его самого через несколько минут.

— Я знаю слово государево! — закричал он.

— Молчи, собака! — сказал Степан.

Это были последние его слова. Палач отрубил ему голову. Его туловище рассекли на части и воткнули на колья, как и голову, а внутренности бросили собакам на с'едение."

---

*) Костомаров. „Бунт Стеньки Разина".

**) „На Дону постоянно было две партии в отношении русского правительства: верные, хотевшие согласить свою вольность с повиновением Московской власти, и воровские, которые хотели свободно действовать и считать Дон независимым и самоуправным." Костомаров.

Казачья эмиграция.

Брно.

25-го мая с. г. Донской Атаман А. П. Богаевский, проездом из Тшебовы Мор., посетил Брно. Перед банкетом, устраиваемым казачьим студенчеством в ресторане „Бельведер", Донской Атаман из'явил желание побеседовать на политические темы с представителями и членами русских студенческих организаций; беседа состоялась в 18 часов того-же дня. Атаман был встречен Донским гимном. В оффициальной части банкета выступали с приветствиями представители: Брненского Хутора О. К. С. С., атаманцев, донских кадет и др. В ответной речи А. П. Богаевский благодарил собравшихся за встречу, сообщил кое-какие политические новости и коснулся вопроса о казачьей самостийности и о Вольном Казачестве. Оффициальная часть закончилась словом П. А. Скачкова, произнесшего приторно-хвалебную речь собравшейся „дорогой молодежи".

В неоффициальной части выступил с речью, обращенной к Донскому Атаману, один из представителей Вольного Казачества, указавший несколько исторических примеров сходных с переживаемым временем, на отношение русской общественности к казачеству теперь и на необходимость борьбы за Вольное Казачество. В последовавшей ответной речи Донского Атамана были высказаны те же возражения, которые уже раньше были напечатаны в „Вестнике Каз. Союза". Казачий хор под управлением П. Г. Жердева принес много тепла родными песнями.

2-го июня Правлением Брненского Хутора О.К.С.С. был созван внеочередной Хуторской Сбор по случаю приезда Станичного Атамана д-ра В. А. Кузнецова; Сбор состоялся вечером в 19 часов.

Станичный Атаман указал на отношение к О.К.С.С. казачьих и русских общественных организаций; посвятил хуторян в жизнь и работу Правления О. К. С. С. и редакционной коллегии „Казачьего Сполоха". Более важными вопросами в докладе В. А. Кузнецова явилось: 1) Сообщение об неприятном инциденте, произошедшем между Донским Атаманом во время его приезда в Прагу и Атаманом Станицы, 2) Об отношении хуторян к Вольному Казачеству.

Высказывавшиеся хуторяне по обоим вопросам сообщили свои взгляды, которые, можно с уверенностью сказать, — являются взглядами всего хутора. В инциденте с Донским Атаманом, очень полно освещенном В. А. Кузнецовым, хуторяне считают правильным поведение Станичного Атамана, обязанного защищать честь и достоинство О.К.С.С.

Отношение к Вольному Казачеству — прежнее: хутор аполитичен, но каждый член хутора имеет право исповедывать любые полит. символы веры, кроме коммунизма. Вольные казаки имеют одинаковое право со всеми. Высказанными суждениями Станичный Атаман остался вполне удовлетворен. **Е. Г.**

Прага, в С. К. О. В. У. З'е.

Правление Союза Казаков, окончивших В. У. З. в Ч. С. Р., настоящим доводит до сведения членов Союза, что на 16 Июня с. г. в 2 ч. дня в помещении ресторана **„Holanova", roh Záhřebské a Londýnské, Praha-Vinohrady**, назначается Годичное собрание.

В случае отсутствия кворума к назначенному времени, следующее собрание открывается через час и будет законным при всяком числе собравшихся.

Заседание частного собрания уполномоченных О. К. С. Х. Союза 17 мая 1928.

(В дополнение к заметке, помещенной в № 12 „В. К.")

Участвовало 16 уполномоченных; Председатель правления В. А. Харламов с президиумом и председатель ревизионной комиссии В. И. Караваев.

Председателем собрания избран А. А. Рышкин, секретарем Г. Я. Филатов. Председатель правления В. А. Харламов делает доклад совещанию в частном порядке. Из доклада выясняется, что месячный бюджет Союза теперь только около 11 т. kč., а журнала „Путь Казачества" 15 т. Из правления выделен президиум — из председателя В. А. Харламова, члена Ф. Т.Аспидова и секр. А. В. Попова, который и вел работу. Правление же собирается раз в неделю. Для культурно-просветительной деятельности была выделена комиссия, которая и начала устраивать лекции в Праге, намереваясь перенести их потом в провинцию. Но, по заявлению В. Харламова, лекции в Праге не встретили сочувствия (на наиболее занимательных лекциях инж. В. Т. Васильева бывало всего 2—3 чел.) и поэтому они временно прекращены. Об отсутствии к этим лекциям интереса в провинции заявляет уп. Каргальский.

Правлением образована трудовая комиссия под руководством технического сотрудника (?) М. Т. Гребенникова. Представители от студенческой станицы и казаков, окончивших высшие учебные заведения отказались войти в эту „комиссию", что у В. Харламова получает толкование: „по неизвестным причинам".

Правление союза занято разрешением вопроса о создании кассы взаимопомощи для накапливания сбережений у членов Союза (?), с правом пользования кредитом. Имеется 2 варианта: образовать 1) самостоятельную кассу, или 2) как отделение „Славянской взаимности".

Б. Н. Уланов указывает на однобокость правления и его неработоспособность, т. к. работает один секретарь, а бывающий в комнате правления Харламов занят как редактор „П. К." Оратор настаивает на созвании в ближайшее время чрезвычайного собрания для избрания правления из всех казачьих группировок, а не из одной только (Харламовской группы). Только такой состав правления внесет мир в жизнь Союза.

Председатель ревиз. ком. В. И. Караваев указывает на неработоспособность правления в целом. Работают только 2-ое, председатель и секретарь, в сущности секретарь, другие члены правления заняты службой в русских учреждениях (преимущ. Земгора) и физически не могут участвовать в работе по Союзу. По мнению предс. ревизионной комиссии, Союз жил и живет ненормальной жизнью потому, что под видом экономической организации велась определенная политическая работа (раньше кадетская, а теперь кадето-эсеровская?). Поэтому Караваев предлагает из Союза сделать действительно экономическую организацию.

И. Е. Мельников, ссылаясь на устав, который гласит, что Союз является будто бы организацией „русской-казачьей"*), не понимает почему казаки-самостийники, признающие себя только казаками, остаются в Союзе. У лиц, знающих что И. Е. Мельников, (Кубанец) состоял не так давно в „самостийной" организации казаков-черноморцев, такая Харламовская приверженность говорившего вызывает полное недоумение.

И. Ф. Быкадоров заявляет, что самостийное движение встречает глубокое сочувствие у казачества и в Праге, что оно и выявило избранием его, как и других в уполномоченные, это и важно для него, а не мнение отдельное Харламовых и Мельниковых, поэтому он считает долгом своим оставаться в Союзе, а не уходить. Напоминает, что конституция Дона говорит о самостоятельном государстве Донском (Всевеликом Войске Донском) и казаки присягали служить Донскому отечеству, а не какому либо иному. Если кому угодно изменять присяге, это их дело, но казаки-самостийники верны этой присяге.

---

*) Появляется в русской эмигрантской печати новое название, исторически никогда не существовавшее, „русские казаки". До сего времени были известны донские, кубанские, терские и пр. казаки про русских не слыхали.

П. А. Каргальский предлагает правлению приветствовать Донского атамана, находящегося в Праге.

В. А. Харламов заявляет о искреннем желании и будто бы делавшихся серьезных попытках внести успокоение в Союз. На упреки отсутствия установления связи с Русско-Чешской Еднотой Харламов заявляет: „Наша политика честная, и открытая, а вот какая другая: когда было чествование юбилея Президента Зем.-Едноты г. Прокупка, я запросил ген. Долгополгова, не предполагается ли преподнесение адреса юбиляру. Долгопятов заявил, что этого не будет. Когда я с ген. Стариковым (бывш. в то время председ. О. К. С. Х. С.) прибыл на чествование, то оказалось, что делегация в составе г. г. Немировича-Данченко, Долгопятова и Варшавского читает адрес юбиляру от союза журналистов, писателей и административной комиссии при земледельческой Едноте. Вот вам другая политика".

На предложение приветствовать Донского атамана ген. Богаевского В. А. Харламов говорит, что о приезде атамана ему известно по слухам, правление официально о том не извещено. Если бы атаман интересовался казачеством, то сообщил бы правлению самой большой казачьей Организации в Чехии и нашлось бы и место и время, и язык для взаимной беседы. Сельско-Хозяйств. Союз, как общественная организация в командном подчинении у ген. Богаевского не состоит, пояснил Харламов.

Председатель собрания А. А. Рышкин признает Союз организацией экономической, но создание руководящих его органов считает целесообразным сделать от всех казачьих группировок. Указывает на шаблон в работе, на малочисленный состав призидиума, малую работоспособность правления. Оратор присоединяется к требованию о созвании Чрезвычайного собрания уполномоченных.

Частное собрание при участии членов правления и председателя ревизионной комиссии постановляет — „предложить правлению созвать собрание уполномоченных не позже июля сего года".

В Казачьих Землях.

Что говорят сами большевики.

На состоявшейся в апреле с/г. второй сессии всероссийского центрального исполнительного комитета (РСФСР) и последовавшей за ней сессии союзного совета (СССР) по докладам правительства брали слово представители Северного Кавказа, включающего в свой состав значительную часть Дона, всю Кубань и Терек. По этим речам можно представить себе до некоторой степени положение Северного Кавказа в настоящее время. Лишь за отсутствием лучшего источника приходится пользоваться материалом заключающимся в этих речах. Прежде всего должны заметить, что эти представители от Северного Кавказа в ЦИК не являются представителями населения, а всего лишь представителями местных органов советской власти, которая сама себя представляет на всех с'ездах в СССР: союзных, республиканских и областных. Далее, все эти ораторы в большинстве своем принадлежат к казенной коммунистической партии и, наконец, среди них, кроме одного калмыка, повидимому, нет ни одного казака.

Все же, хотя в выражениях своих „представители" Сев. Кавказа были осторожны, все же не могли скрыть истинного положения вещей в своих краях, и, значит, до некоторой степени отражали настроения на местах, где им приходится работать. Все они жаловались на губительность московского централизма для местных начинаний, отдельные ораторы говорили о сокращении школьной сети, свертывании медицинской помощи, бездорожьи, о бескормице, об угрожающе поздней весне — и в целом от этого слагается картина довольно безотрадная и, очевидно, верно передающая современное положение Северного Кавказа.

30 марта в прениях по докладу наркома социального обеспечения высказался один из представителей Северного Кавказа, который заявил, что до сих пор на Северном Кавказе комитетам взаимопомощи все, начиная от сельсовета и выше уделяли мало внимания. В особенности тяжелое положение у инвалидов гражданской войны, которым по юбилейному октябрьскому манифесту обещаны большие посулы. Другой представитель Северного Кавказа, говорит, что если комитеты взаимопомощи изредка имеют средства, то это реально выражается только небольшим участком земли. Но если такой участок имеется, то школа тянет часть его себе, совет тянет часть к себе, все они землю эту понемногу отрывают.

Третий оратор, выступавший от Северного Кавказа, спрашивает: „что мы имеем по Северному Кавказу, который привыкли считать богатым? И отвечает: „Он действительно богат, но только теми возможностями, которые там имеются. Мы обеспечиваем только 30 процентов нуждающихся. Наркомсобес правильно ставит вопрос о необходимости увеличения помощи. Но мы не можем выполнить тех требований, которые наркомсобес пред'являет нам. Почему? Потому, что это потребует непосильного для местного бюджета увеличения ассигнований на дело социального обеспечения. В этом году мы уже имеем на дело социального обеспечения ассигнований по местному бюджету 2, 3 проц., в то время, как по государственному бюджету эти ассигнования составляют 1, 6 проц. В этом году мы в крае имеем по Собесу рост на 35,5 проц., в то время как по государственному бюджету на 29 проц. И, несмотря на все это, мы обеспечиваем лишь чрезвычайно незначительное количество нуждающихся в социальном обеспечении. Мы предлагаем, чтобы госбюджет в деле социального обеспечения участвовал в большей доле, чем это было до сих пор".

2-го апреля в прениях по докладу Милютина, наркомфина РСФСР, представитель калмыцкой области выступил с „ходатайством" о расширении бюджетных прав автономных республик и областей. „Областной исполнительный комитет часто не знает общей годовой суммы государственного бюджета. Мы строим и непосредственно отвечаем за составление нашего местного бюджета, знаем куда какой рубль и зачем истратить, знаем каждую статью бюджета и в то же время не знаем какое ассигнование нам дается по государственному бюджету. Даже распределение местных средств по определенным отраслям народного хозяйства должно быть обязательно согласовано с теми ассигнованиями, которые идут по государственному бюджету. Поэтому мы ходатайствуем (!!!) о том, чтобы автономным республикам и областям были предоставлены более широкие права в деле построения общегосударственного бюджета, такие, какие они имеют по местному бюджету.

... Работу по сокращению административно-управленческих расходов Калмыцкая область — начала вовремя, но по ряду причин выполнить во-время не сумела. Мы район национальный, проводим национализацию наших школ, коренизацию нашего аппарата, а для этого требуются дополнительные расходы. Разбросанность нашего населения, большая территория требуют несколько большей громоздкости аппарата. Например, у нас необходимо, чтобы курьер был конный, чтобы милиционер был тоже конный. Все это требует лишних средств"...

Северо-Кавказским оратором, по докладу народного комиссара народного просвещения РСФСР Луначарского, было заявлено, что они, работники мест, в течение целого ряда лет ощущают ненормальное положение в вопросе об ассигнованиях по государственному бюджету на разного рода строительства. Та медлительность, с которой разрешаются эти вопросы в центре,

не дает возможности на местах своевременно развернуть намеченную работу. С трудом составишь план, смету и т. д., смотришь, уже эта цифра настолько изменена центром, что надо начинать все сначала. На это дело я просил бы обратить внимание...

Мы стоим перед фактом, что нам придется сокращать школьную сеть и сеть здравоохранения и целый ряд других мероприятий резать по живому телу. Это в силу того, что доходы слишком натянуты, а Наркомфин по целому ряду справедливых и несправедливых причин не может пойти на передачу отчисляемых краем в общегосударственный бюджет доходов местам. Мы считаем такое положение ненормальным и настаиваем на скорейшем разрешении этого вопроса в пользу краевого бюджета, что даст возможность нормально и без перебоев справиться с теми трудностями, которые стоят в данный момент перед краем и округами.

В прениях по докладу секретаря ВЦИК'а Киселева о проекте положения о краевых, окружных и районных с'ездах советов и их исполкомах из северо-кавказцев принимали участие двое.

Первый из них отметил, что в районировании Северного Кавказа было очень много корявых сторон и шероховатостей. До районирования все вопросы могли разрешиться в губернии, но когда было произведено районирование пришлось за разрешением тех вопросов, что прежде решались губернией, обращаться в краевой центр и вместо Пятигорска или Краснодара ездить в Ростов.

Далее оратор предлагает расширить права сельсоветов: „Если мы даем обязанности нашим сельсов., то мы должны снабдить их и правами. Мы имеем станицы с 10-15-20-тыс. населением. Это иногда равняется центральному волисполкому. И вот председатель этого станичного совета почти не имеет никаких прав. Поэтому Северо-Кавказский край выдвигает вопрос о расширении прав станичных и сельских советов в Северо-Кавказском крае".

На взгляд второго оратора предложенное правительственным докладчиком положение „не может полностью удовлетворить те запросы, которые сама жизнь выдвинула в области — определения прав и обязанностей органов власти в районированных областях. Кроме того, необходимо составлять по районированным областям и краям сводку государственных доходов и расходов с тем, чтобы этот свод нашел себе отражение в государственном бюджете РСФСР и чтобы районированные области знали, какие мероприятия в течение года будут проводиться, что даст им возможность увязать свою работу с этими мероприятиями.

В постановлении президиума ВЦИК указывается на то, что краевой исполком имеет право издания постановлений по вопросам, перечень которых должен быть приложен. Оратор Дорошев от имени кавказцев заявляет, что „никакого перечня вопросов, какие возникнут в процессе работы краевых органов предвидеть совершенно невозможно".

В прениях по докладу о едином государственном бюджете на заседании III сессии ЦИК СССР IV созыва, 12 апреля выступил представитель Черноморского округа, говоривший о посевной кампании и бездорожьи на Северном Кавказе. По его словам, на Северном Кавказе создалось такое положение, что „вследствие поздней весны в этом году в середине апреля нечем пасти скот и даже не видно, чтобы луга где-либо начали покрываться травой. А между тем, все свободные средства земледельческое население отдало государству". Дальше предст. Черном. округа отметил, что в области социального обеспечения в деревне ничего не сделано и посулы октябрьского юбилейного манифеста не выполнены. В заключение он говорит, что бездорожье, наверное, общая болезнь всего СССР, но особенно плохо обстоит с дорогами на Северном Кавказе. „Привезут фуру колунов и продают за 15-20 копеек, думаешь — дорого; а когда узнаешь откуда они привезены, становится стыдно платить так дешево. Владелец фуры выручит 15 копеек, а колес поломает, пока довезет, на 10 рублей. Вряд ли мы сумеем быстро двинуться вперед и в промышленности и в сельском хозяйстве, пока у нас существуют такие классические дороги"...

По докладам о сельско-хозяйственном налоге на заседании союзного совета 18 апреля от Северного Кавказа заявляли, что нужно хлеборобам предоставить больше прав, чтобы они засевали хлеб. Если они платили за 10 десятин 100 руб. налога, пусть платят 100 р. за 15 десятин, но пусть поднимают свое хозяйство. У нас имеются шпанководы, имеющие по 2000 голов шпанки, сто голов скота, четверо лошадей четырех-леток, которые стоят 500 руб., и они не попали под налог. Когда начинаешь спрашивать, сколько у него скотины, то получается, что на 100 голов скота только 10-15 коров попадают под налог. Если середняк продает быков за 120 р., то шпанковод продал шерсти на 2000 р., а шпанка не вошла в налог, скот не вошел, лошади не вошли. Спрашиваешь его: „Ты хлеб сеял? „Нет, зачем я буду сеять, государству платить". Раньше он сеял 300 дес., а сейчас 10 десятин, больше сеять не хочет. Нужно заставить его сеять хлеб и давать пользу государству". Дальше оратор ратует за предоставление крестьянским конным товариществам в Сальском округе специальных льгот и преимуществ — для вящего процветания красной конницы. Если предоставить сальским конным тавариществам льготы по сельхозналогу — рассуждает хитрый предст. Северного Кавказа, — то это дает им возможность укрепить и расширить свое хозяйство и даст сальских коней". Подкупая большевиков, оратор кончает: „Мы, товарищи, сами являемся рабочими, крестьянами, красными партизанами, мы создали конную красную армию, которая победила на всех фронтах. Я буду просить сессию предоставить льготы сальским коневодам крестьянам для того, чтобы создать коня. Если потребуется, он будет наш, и мы все, кто за советскую власть, сядем на коня и покажем, что такое рабоче-крестьянская армия". Залпом рабоче-крестьянских аплодисментов ответила матерая коммунистическая бюрократия, из которой слагается аудитория союзного совета на хитрые и льстивые призывы любителя советской конницы.

Другой оратор от Сев. Кавказа по этому докладу заметил — докладчики уверяли, что увеличение сельскохозяйственного налога коснется исключительно богатых крестьян. Но беглый просмотр шкалы обложения убеждает, что повышение, в частности для Украины, идет по всей линии. Поскольку увеличение суммы налога вызывается необходимостью, поскольку оно нужно для восстановления сельского хозяйства законопроэкт этот следует принять, но в то же время нужно учесть по кому оно больнее всего ударит. Наркомфин повысил налог главным образом на середняков. Вообще на взгляд последнего оратора все эти накидки обложения вносят лишнюю путаницу, которой и без того на местах достаточно, как показывает опыт минувших налоговых кампаний.

Сгущать краски о внутреннем положении большевизма у б-ков не принято. Здесь они всегда оптимисты. Но то, что поведали представители Сев. Кавказа, т. е., советские агенты в Казачьих Землях, не дает никаких оснований к оптимизму. Московско-большевицкая петля затягивается все более и более, централизм давит так немилосердно, что в нем становится душно не только свободолюбивым южанам, но и самим агентам совласти на местах. И они просят попустить петлю.

Самые последние сведения из наших Земель свидетельствуют о том, что петля не послабляется.

Антирелигиозная пропаганда.

„Религия становится опять воинствующей силой и постепенно переходит в наступление.

Церковные пропагандисты отлично умеют приспособляться к советским условиям жизни, в корне видоизменяют и методы и формы своей работы. В станице и селе религиозные организации переносят очаги своей пропаганды в бедноту, в городе они стремятся закрепиться на рабочих окраинах.

На соборе старообрядцев, который происходил с 13 по 16 мая в Новочеркасске, именно так и говорили:

— Если раньше мы опирались на зажиточные слои населения, то теперь нужно итти в бедноту. Делегаты с мест высказали сожаление, что собор был созван в Новочеркасске: надо было сей священный собор устроить в станице, в гуще народной массы. И высказывали, какое паломничество вызвал бы этот собор где нибудь в Мальчевской или Морозовской со стороны народа.

В свои соборы религиозные организации стремятся внести художественное оформление. В Ростове синагога давно уже превратилась в подобие оперного театра, куда верующих привлекает большая программа с выступлениями знамнитейших канторов.

Сектанты свои псалмы переводят на революционные мотивы заимствуя содержание революционных песен. На Тереке в ходу среди сектантов такой „псалом“.

Вставай, грехом порабощенный,
Весь мир беспомощных рабов,
Иди на бой непримиримый
И будь на жизнь и смерть готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Любовь и правда воцарятся,
В сердцах не будет зла совсем.

Общеизвестна ревность, с какой теперь как старые, так и новые церковники относятся к постановке церковных хоров.

Религиозные организации оказывают для своих членов и материальную поддержку – в праздники Рождества выдавали мануфактуру и наделяли гостинцами детей. В Ростове еврейская община содержит богодельню для престарелых. „Что же противопоставляют религиозному движению коммунисты?

Решений, резолюций насчет того, чтобы улучшить, усилить, углубить антирелигиозную пропаганду сколько угодно. Имеется очень подробная резолюция краевого агитационного совещания, наметившая ряд мероприятий по борьбе с религией. Есть по этому поводу специальное письмо Краевого Комитета ВКП(б), есть совсем недавние директивы краевого совещания комсомола, есть, наконец, резолюция краевого совещания завед. женскими отделами. И все эти резолюции, все эти решения свидетелствуют, что религия принимает все меры к закреплению религиозности среди населения, а особенно в последнее время среди рабочих. Эти резолюции в то же время говорят о том, что слабо растут организации безбожников, что работают они устарелыми методами, что плохую поддержку оказывают безбожникам и сами партийные и профессиональные организации.

Докладчиков по антирелигиозным вопросам на фабрики и заводы посылают таких, которых легко топит своими вопросами любой начетчик. Рабочие Донского Г. Е. С. и до сих пор еще говорят о том, как ловко сбил своими вопросами один рабочий - баптист докладчика от безбожников, который совершенно растерялся и не мог найти ответа. Интерес со стороны рабочих и вообще неселения к антирелигиозной пропаганде отсутствует, не встречает поддержки. С предприятий ячейки безбожников чуть-ли не выселяются.

— Переносите свою работу в клубы.

„А в клубах, заявляют на совещании безбожников Север. Кавказа, то же равнодушие и более того — недружелюбное отношение. И на 11-м году революции ячейкам безбожников угрожает перспектива остаться совсем без крова, — хоть на церковную паперть иди.“

В Таганроге организация безбожников живет только тем, что по понедельникам „крутит киношку“ и так во всем и везде.

Число активистов безбожников незначительно. Если религиозный актив насчитывает, по советским данным, в своих рядах на Северном Кавказе около 115 тысяч чаловек (священников, монахов, мулл, членов церковного совета), то действительный антирелигиозный актив значительно меньше. Коммунисты устраивали в Ростове, Таганроге, Екатеринодаре антирелигиозные семинарии, выпускали курсантов-безбожников, но они скоро покидали свою работу, и этот специально подготовленный актив растаял.

В школе антирелигиозная работа в результате имеет такие слабые факты:

— По анкете, недавно проведенной в Екатеринодаре среди школьников, 45% заявили себя верующими. В сектантских организациях работают и студены: двое окончивших педагог. техникум руководят баптистской общиной в Новочеркасске, а один с дипломом совет. медицин. факультета руководит работой адвентистов в Ростове.

Снова появился теперь клич — „все на антирелигиозный фронт, все против влияния опиума религии на отсталые слои трудящихся“ *).

П. А.

---

*) Составлено по материалам Совещания Краевого Союза безбожников.

Болгария. — Г. - Ореховица. — К. — Ваше письмо переслано адресату. С Вами в ближайшем будущем установим связь.

Болгария. — Видинский Округ. — К. — Все обстоит благополучно. Ваши ценные и весьма интересные документы должны сохраниться в памяти Казачества. Об интересующих Вас вещах будете поставлены в известность. Казачий поклон Вам.

Канада. — Виннипег. — С. — Очень рады за Вас. Знаем и верим, что нет такой страны и нет таких условии, чтобы казак не освоился, растерялся и „погиб не за понюх табаку“. Несите высоко казачье имя!.. Вы пишете: Подло поступили с Гр. Яковлевичем. Наш отец и любимец всех казаков, а его выкинули.“ — Все казаки с Вами в этом согласны. Будем надеяться, что придет время, когда казаки казаков будут больше ценить. Шлем Вам свой искренний казачий привет и ждем Ваших сообщений.

Польша. — Торунский повит. — Л. — Вы пишете: „Поздравляю с праздником Святой Троицы всех Атаманов и наших сотрудников В. К. Кубани, Терека и Дона, и пошли нам Господи в скором времени вернуться. Ура, Ура, Ура... казакам.“ — Сотрудники В. К. благодарят Вас за поздравления и отвечают Вам тем-же. „Пошли нам Господи в скором времени вернуться,“ но вернуться едиными и сильными, чтобы принести счастье, покой и вольность Казачьей Земле, а это возможно лишь тогда, когда каждый сознает стоящую перед нами цель и не покладая рук будет работать на пользу Казачьей Земли. Искренний Вам привет наш!

Ответ на интересующий Вас вопрос увидите на обложке журнала

Польша. — Варшава. — У. — Получено. Благодарим. Выполнено.

Польша. Колно. — Е. — Получено. Все в порядке. Благодарим за память. Казачий поклон Вам и всем казакам.

Польша. — Яловая. — В. Д. — Оба Ваши письма не застали адресата. В настоящее время отосланы по назначению.

Франция — Ницца — М. С. — Письмо получили. Очень рады, что „всю свою энергию и силы“ Вы хотите приложить „на общее дело“. Отвечаем Вашими же словами: „В дальнейшем... мы более поймем друг друга и теснее сплотимся в общей работе“. Привет Вольным Казакам на Ривьере!

Польша. — Варшава. — Л. — За сведения благодарим. Установим связь. Казачий поклон Вам.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество
Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч.С.Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0·75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1 Tchécoslovaquie.

Всякого рода типографские работы

выполняются дешево и аккуратно

на всех славянских языках.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Michal Frolov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 314175-VII.-1927. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně Františka Vonky.